

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

ПОЛ ПОЛИТИКИ

Сергей Ушакин|Александр Першай|Эллен Уиллис
Наталья Кулинка|Марина Напрушкина|Анна Жинь|Светлана Наумова
Евгения Иванова|Ольга Карáč|Светлана Айвазова|Елена Гапова

УДК 316.346

ББК 60.54

Автор идеи альманаха: Ольга Карáč

Координатор проекта: Евгения Иванова

Редакторы серии: Евгения Иванова и Александр Першай

Корректор: Елена Борщевская

English proofreading: Matthew Tegelberg

Дизайн обложки и графический дизайн альманаха: Анна Жинь

При оформлении обложки использовано

изображение «Афина» («Athena»), <http://www.oocities.org>

Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 1. Пол политики / Ред. Е. М. Иванова и А. Ю. Першай. – 2012. – 120 с.

ISSN 1805-4935 (Print)

ISSN 1805-4943 (Online)

© Коллектив авторов, 2012

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Авторы несут ответственность за достоверность информации и цитирование в своих публикациях.

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только с согласия редакции и авторов.

С изданием можно связаться по электронному адресу:

political.new.approaches@gmail.com

Электронная версия журнала доступна по адресу:

www.adliga.info/newpolitics

Адрес редакции:

Centre for Gender Initiatives “Adliga”: Women for Full Citizenship

K Žižkovu 809/7, Praha 9 – Vysocany, 190 00, Czech Republic

Посвящается родителям всех тех,
кто работал над этим выпуском журнала

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 1

ПОЛ ПОЛИТИКИ

Редакторы выпуска
Евгения Иванова и Александр Першай

2012

Альманах «Женщины в политике: новые подходы к политическому» – это новое феминистское по духу образовательно-аналитическое издание, в котором ведется поиск новых подходов к политическому. В альманахе обсуждаются проблемы политики и пола, поднимаются вопросы женского политического участия, а также всего остального, связанного с приходом женщин в политическое пространство – будь оно научным или практическим. Альманах – это интеллектуальное поле, которое ориентировано на практику.

Авторы и редакция альманаха в первую очередь обращаются к гендерному анализу реальных и насущных проблем белорусского постсоветского общества. Мы балансируем на грани практики и теории, абстрактного и контекстуального, старого и нового, сложного и простого, общего и частного. Но формируемое пространство не двухмерно: оно замечает много граней, включает множество точек зрения и разнообразие подходов, оно – междисциплинарно. Нервным узлом этого пространства является гендер как категория анализа. Люди, попадающие в это поле, как правило, разделяют определенные ценности, хотя ценности эти, конечно же, не идентичны. Альманах – это пространство согласия и несогласия, это – пространство дискуссии, но в определенных рамках – там, где нет места сексизму, расизму, гомофобии, эйджизму, ксенофобии и другим видам дискриминации.

Данное издание возникло в рамках проекта Международного Центра гендерных инициатив «Адлига: женщины за полное гражданство», чья миссия – реализовывать гражданские инициативы, направленные на борьбу с депривацией по признаку пола. Адлига – это женская инициатива, которая выступает за гендерную справедливость и осуществляет проекты, направленные на устранение социального угнетения как в отношении женщин, так и мужчин; а также на то, чтобы сделать наше общество безопасным и благожелательным для женщин и мужчин.

Необходимость в периодическом издании такого рода в Беларуси назрела давно. По сути, сейчас нет ни одного белорусского журнала или интернет издания, который внятно, по существу и систематически писал бы о гендерных исследова-

ниях и новых подходах в политических науках. На сегодняшний день в белорусских ВУЗах преподаются единицы курсов, рассматривающие гендерную проблематику в гуманитарных и социально-политических науках. Поэтому, с одной стороны, альманах задуман как образовательный проект и стремится хоть частично компенсировать нехватку курсов о поле и власти, а также ознакомить читателей с «базовыми» проблемами в этой области. С другой стороны, альманах предлагает злободневные аналитические материалы, касающиеся функционирования политических систем, формирования гендерной структуры общества и возникновения конфликтов, связанных с трансформацией как гендерного, так и политического порядка, с появлением в политике новых групп, интересов и стратегий.

Это издание обращается к широкой читательской аудитории, не обязательно знакомой с гендерными исследованиями, к исследователям и интеллектуалам, интересующимся новыми подходами в области критической социальной и политической теории; а также к активисткам и активистам неправительственных организаций и политических партий. Мы также не хотим обойти вниманием поколение молодых исследователей, для которых альманах, возможно, станет публичной площадкой для вербализации своих идей, связанных с (женским) политическим участием и гендерными исследованиями. Другими словами, альманах «Женщины в политике: новые подходы к политическому» рассчитан на тех, кто вовлечен в процесс политических и социальных трансформаций в Беларуси.

Публикацией этого альманаха мы надеемся создать платформу, на которой произойдет:

- обмен опытом между теоретиками и практиками;
- всестороннее обсуждения насущных проблем социальной, политической, экономической и культурной жизни Беларуси;
- поиск оптимальных путей решения политических и социальных проблем;
- артикуляция общественного мнения политически активных женщин и женщин-политиков;
- распространение знаний в области новых подходов в политической теории и практике;
- укрепление интеллектуального потенциала белорусского

общества;

- создание в сфере политики видимого пространства для женщин и других маргинализированных групп, часто вытесняемых из публичного дискурса;

- развитие политического (без)сознательного тех, кто связан с пространством Беларуси.

Альманах будет выходить в виде тематических выпусков. Готовятся к печати выпуски, посвященные политике знаний и академии, социальному равенству, гендерным аспектам гражданства и нациостроительства, политике эмоций, международному сотрудничеству НГО, капитализму и глобальной экономике и др.

Евгения Иванова и Александр Першай,
редакторы альманаха

6

Примечание:

Мы используем современную орфографию: *Беларусь* и *беларусский*. Многие российские и зарубежные издания по-прежнему употребляют названия времен СССР *Белоруссия* и *белорусский*, что, на наш взгляд, является актом символического насилия над национально значимым выбором Беларуси как независимого государства. Однако мы оставляем за нашими авторами право выбора предпочитаемого варианта орфографии: по этой причине в разных статьях альманаха используются оба варианта написания *беларусский* и *белорусский*.

“Women in Politics: New Approaches to the Political” is a new educational feminist almanac. It approaches ongoing political issues in Belarus and post-Soviet states from the perspective of feminist critique. The almanac first and foremost targets political and social activists. It also speaks to a generation of emerging scholars interested in political, social and cultural concerns related to women’s participation in political movements in Belarus and gender studies in general.

The appearance of a periodical publication dedicated to the complex dynamics of politics and gender is crucial for Belarus. At present, there is no Belarusian journal or online publication that openly discusses issues related to gender, power, politics and culture. Therefore, the almanac “Women in Politics: New Approaches to the Political” comes into Belarusian public space at the right time.

The goals of this publication are two-fold. On the one hand, it is an educational project. There are very few courses in the university curriculum of Belarus that address gender issues, especially the intersection of politics and gender. There is a need to introduce basic concepts and theories of gender studies to Belarusian society and young people in particular. On the other hand, the almanac is an analytical publication. It offers critical analysis of current events in Belarusian society and the post-Soviet countries. It focuses on the problems of women’s participation in political and public life of Belarus, as well as an ongoing confrontation with the post-socialist transition of this country at the turn of the twenty first century.

The almanac “Women in Politics” emerged as part of a project on the inclusion of women in politics. The project is supported by the International Centre for Gender Initiatives “Adliga: Women for Full Citizenship”. “Adliga” is a women’s non-profit organization which struggles for gender equality and equity, and fights against social deprivation and other kinds of injustice.

The almanac offers a series of thematically organized volumes that introduce the issues of the politics of knowledge and transformations of academia, social equality, gender in media policies, international networking in the non-profit sector, capitalism and more.

The first issue of the almanac is entitled “Pol politiki”. This Russian phrase plays with the double meaning of the Russian word *pol*:

translated as “gender” and “half”. In our case, this polysemy is symbolic because the androcentric vision of political issues in post-Soviet countries consistently excludes women. That is, it excludes half of the population. Therefore, we decided to start a dialogue with our readers by questioning the “gender” of politics which is questioning the “half” of politics and the Belarusian population.

This issue of almanac “The “Gender” of Politics / Half of Politics” offers the analysis of complications with “gender” terminology and research in post-Soviet countries by Segruei A. Oushakine and Alexander Pershái. Another section of the almanac investigates the cultural consumption of gender in present-day Belarus. The classic essay on women and consumerism by Ellen Willis opens this discussion. Anna Zhyn and Natalia Koulinka look at the issues of sexual harassment in the work place and the parallels between the parliamentary elections and beauty contests in Belarus. There are two interviews with politically active Belarusian women: civic rights specialist Svetlana Naumova, who recently passed away, and Ol’ga Karach, a leader of the human rights advocacy organization “Adliga”. Two essays about prominent historical female figures conclude this issue. Svetlana Aivazova reflects on Simone de Beauvoir’s life and legacy. Elena Gapova looks at Poluta Bodunova, a woman who was actively involved in the Belarusian revolutionary movement of the early 1900s. This issue includes art work by Belarusian artist and political artist Marina Naprushkina.

8

We hope that the broadest audience will find this publication interesting and inspiring.

Evgenia Ivanova and Alexander Pershái,
almanac series editors

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К
ПОЛИТИЧЕСКОМУ №1 (2012)

«ПОЛ ПОЛИТИКИ»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции: Пол политики	11
<u>«Гендерные» проблемы и их интерпретации</u>	
<i>Сергей Ушакин.</i> Подкованный гендер	15
<i>Александр Першай.</i> Является ли борьба за права женщин борьбой за гендерное равенство?, или о необходимости включения в дискурс других гендерно маркированных групп	32
<u>Общество/женщина/(у)потребление</u>	
<i>Эллен Уиллис.</i> Женщины и миф о потреблении	38
<i>Наталья Кулинка.</i> Конкурс красоты versus парламентские выборы?, об исключении женщин из политического дискурса	43
«Конкурс красоты». Комикс Марины Напрушкиной	54
<u>Мнение</u>	
<i>Анна Жинь.</i> Требуется секретарь с большими глазами, или дискриминация по признаку пола на рабочем месте	56
<u>Голоса</u>	
Интерв'ю са Святланай Навумавай	67
<u>Диалоги</u>	
Евгения Иванова беседует с Ольгой Карач	72
«Гендер и политика». Комикс Марины Напрушкиной	80
<u>Постаці</u>	
<i>Светлана Айвазова.</i> Симона де бовуар: Жизнь – самоосуществление	82
<i>Елена Гапова.</i> Любовь как революция, или «несмотря на грамши» Полуты Бодуновой	88
Сведения об авторах	113
Notes on Contributors	117

WOMEN IN POLITICS: NEW APPROACHES TO THE
POLITICAL #1 (2012)

THE GENDER OF POLITICS / HALF OF POLITICS

TABLE OF CONTENTS

Editors' Foreword	11
<u>"Gender" problems and their interpretations in the post-Soviet countries</u>	
<i>Serguei A. Oushakine.</i> "Gender" – a category for rent (Podkovanniy "gender")	15
<i>Alexander Pershái.</i> Is the struggle for women's rights a struggle for gender equality?, or on the inclusion of other unconventional gender groups in the struggle for gender equality	32
<u>Society/Women/Consumption</u>	
<i>Ellen Willis.</i> Women and the myth of consumerism (1969)	38
<i>Natalya Koulińka.</i> Beauty contest versus the Parliamentary election in Belarus: The exclusion of women from political discourse	43
"The beauty contest." A comic by Marina Naprushkina	54
<u>Opinion</u>	
<i>Anna Zhyn.</i> "A firm seeks a secretary with big eyes", or on sexism at the work place	56
<u>Voices</u>	
Interview with Svetlana Naumova	67
<u>Dialogues</u>	
Evgenia Ivanova interviews Olga Karatch	72
"Gender and politics." A comic by Marina Naprushkina	80
<u>Historical female figures</u>	
<i>Svetlana Aivazova.</i> Simone de Beauvoir: Life in self-assertio	82
<i>Elena Gapova.</i> Love as revolution, Or Paluta Badunova's "in spite of Gramsci	88
Notes on Contributors	113

ПОЛ ПОЛИТИКИ

Этот номер альманаха, «Пол политики», связан с двумя значениями этого словосочетания. С одной стороны, речь идет о политике и поле: здесь мы задаемся вопросами о том, представители каких групп и на каких условиях могут быть частью «большой» политики? Каким образом гендерный порядок включен в политическое пространство? С другой стороны, «Пол политики» отсылает ко второму значению этого названия, связанному с половинчатостью и нецелостностью представленности в политике. Принятие политических решений считается «мужским» делом, а значит – представлено в основном лишь половиной общества, причем зачастую меньшей половиной, так как мужчины составляют лишь 46,5 % белорусского общества.¹ Мы попытаемся выяснить, что же происходит с другой «невидимой» половиной белорусской политики. То есть, мы хотим разобраться в том, почему политику представляют в основном мужчины. И первый выпуск альманаха – это начало разговора об этих проблемах.

Когда речь заходит о женщинах в политике, чаще всего обсуждают вопросы женского политического участия и женского лидерства. Собственно говоря, хорошо всем знакомые выражения «политика – не женское дело», «за каждым успешным мужчиной стоит сильная женщина» или «мужчина – голова, а женщина – шея» говорят нам об этом же. То, что женщины заметно менее активны политически, было отмечено во многих странах. Причем речь идет именно о видимом участии (в голосованиях, тайных по своей сути, разница в участии минимальна) и участии в сфере принятия важных политических решений на среднем и высшем уровнях. Конечно, существует существенная разница в разных странах

---

¹ Данные представлены на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.php> (последнее посещение 05.01.2012)

в зависимости от культурного контекста, экономического развития и политической культуры каждого отдельного государства, региона или сообщества. Тем не менее, разница представленности в видимой политике между женщинами и мужчинам остается заметной в большинстве стран, что ставит вопрос о причинах такой ситуации. Сразу отметим, что ответ «женщин в политике нет, потому что они сами туда не хотят или не идут» не дает нам никакого объяснения и, конечно, не является хоть сколько-нибудь исчерпывающим. Этот «ответ», скорее, является симптомом, который предоставляет нам определенные данные для анализа и свидетельствует о политической и социальной организации того или иного сообщества.

Исследователи, занимающиеся гендерными аспектами политического участия, как правило, объясняют существующие отличия разницей в социализации мужчин и женщин, в ходе которой представители разных полов якобы заучивают и принимают разные социальные роли, поведение и ценности. Второе популярное объяснение – семейные обязанности женщин, работа по дому и воспитанию детей являются скорее женскими заботами и оставляют меньше сил и времени на политическую и общественно-значимую деятельность. Третий способ объяснить сложившуюся ситуацию обращается к структурным особенностям социального, экономического и политического порядка обществ, при которых женщины обладают меньшим количеством экономических и социальных ресурсов или доступу к ним, обладают образованием или концентрируются в сферах, из которых сложнее прийти в политику. Это, несомненно, весьма обобщенный и упрощенный перечень объяснительных моделей, который позволяет как-то описать ситуацию, однако глубинные пласты этого проблемного поля не затрагивает.

Проблема политического участия – гораздо серьезнее и значима тем, что является критерием демократии и свидетельством равного включения в общественную и политическую жизнь представителей разных социальных групп. Таким образом, для женщин, женского движения и феминизма вопрос женского участия, по существу, является лакмусовой бумажкой демократичности общества. Впрочем, так было не всегда. Как отмечает британский политолог

Энн Филлипс, взаимосвязь между принципом равенства и демократии, как и взаимосвязь между демократией и феминизмом, – стала очевидной довольно недавно и далеко не сразу после появления идей демократии и их распространения.² Ранние феминистки, продолжает Филлипс, видели взаимосвязь между демократией и феминизмом, но были вынуждены заниматься другими, более неотложными вопросами; и только в 19-м веке, после долгих дискуссий на тему, является ли женщина «политическим человеком» и появления целой традиции «в защиту прав женщин», женщины стали объединяться в движение и потребовали демократических прав для себя. С этого момента связь между двумя традициями – демократией и феминизмом – начала укрепляться (какое-то время, в большей степени – со стороны феминизма). Женское движение с его требованиями равенства и включения, критикой иерархий, защитой идей анти-авторитаризма фактически стало полем, где производились и отстаивались самые радикальные демократические идеи.³ Более того, феминизм как идеология политического движения, феминистская критика как наука и сам приход женского движения и женщин в поле политики стал тестом для функционирования политической системы обществ и вызовом для устоявшихся принципов и идей в сфере политической теории.

Феминистская политическая мысль и практика расширили само понятие «политики» и «политического», показали политическую природу того, что было принято считать «неполитическим» или личным; поставили под сомнение нейтральность понятий многих базовых политических понятий, таких как, гражданство, политический субъект, и т.д.; подвергли критике индивидуализм либерализма, идеализм идей автономии, абстрактности и беспристрастности, существенно развили представления о категориях власти, лидерства, частного и публичного. Кроме того, предложили новые эпистемологические подходы к изучению политических проблем и альтернативные объяснительные модели, став, таким образом, не только отдельной парадигмой в сфере политических наук, но и вошедшей в обязательный минимум

---

2 Phillips, A. *Engendering Democracy*. Polity Press, 1991. P. 1-2.

3 Там же.

знаний, изменив и сам политический и политологический мейнстрим.

В этом выпуске альманаха рассматриваются проблемы понимания категории *гендер* на постсоветском пространстве, неоднозначности употребления термина *гендерное равенство*, роли масс-медиа в конструировании политического пространства, проблемы сексуальных домогательств на рабочем месте, и ролей женщин в истории. Для того чтобы разобраться в этих проблемах, мы используем материалы разных форматов: интервью с женщинами-политиками, исторические очерки, авторские комментарии и комиксы.

Мы надеемся, что выпуск альманаха «Пол политики» будет интересен самой широкой читательской аудитории.

Евгения Иванова и Александр Першай,
редакторы альманаха

ПОДКОВАННЫЙ ГЕНДЕР[†]

Сергей
Ушакин

Создается впечатление, что перед нами любопытный замкнутый круг: непризнание истоков терминов порождает проблему их согласования, а усилия разрешить проблему усугубляют исходное непризнание.

Жак Лакан

По своей роли в постсоветских общественных науках «гендер» во многом напоминает мне «ваучер». В то время как единицы успели «сориентироваться» и вовремя вложили свой «гендер» (или ваучер) в доходный фонд¹, в большинстве своем гуманитарно настроенная общественность, оказавшись не в состоянии перевести на язык «родных осин» эту полезную категорию, так и продолжала безучастно оставаться в стороне. Как получилось, что категория, потенциально способная

¹ Татьяна Барчунова, на мой взгляд, совершенно справедливо охарактеризовала большую часть женских неправительственных организаций – основных проводников идеологии «гендерных» исследований – как «форму скрытого бизнеса», заметив при этом, что «активность в неправительственных организациях становится экономическим ресурсом», способствующим формированию «класса профессиональных активистов», для которых работа в неправительственных организациях становится главным средством существования, а также «средством передвижения» по «странам и континентам» (Барчунова Т. Женские негосударственные организации: особенности и тенденции // Супрун В.И. (ред.). *Семья и женщина: реальность и тенденции*. Новосибирск, 1998. С. 132).

[†] Данный текст представляет собой фрагмент статьи Сергея Ушакина «Человек рода он: футляры мужественности», опубликованной в сборнике его статей по гендерным исследованиям, который стал «прорывным» для постсоветского пространства. См. подробнее: Сергей Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс – Москва, 2007. Печатается с разрешения автора.

если не подорвать, то в значительной степени изменить сложившиеся/сложенные представления о механизмах воспроизводства полового неравенства, о механизмах производства субъектности и субъективности, о механизмах реализации власти и, наконец, механизмах производства желания и форм его удовлетворения, при «переводе» на русский язык оказалась лишенной своего «революционизирующего» запала? Почему категория, затрагивающая *все основные* сферы жизни и деятельности человека, в отечественной интерпретации оказалась неспособной спровоцировать какой-либо *значительный* интерес со стороны специалистов-обществоведов, оставаясь во многом категорией академического меньшинства, особо и не пытающегося преодолеть (собственноручно воздвигнутую) полосу отчуждения?

Из известного лесковского рассказа про Левшу обычно хорошо помнят то, что стальную танцующую блоху-«нимфозорию» – подарок англичан русскому императору – подковали тульские мастера-умельцы. Реже помнят другое – что блоха после такого ювелирного облагораживания танцевать перестала. Изумленные англичане долго допытывались у Левши, где и чему тот учился и «до каких пор арифметику знает». Выяснив, что арифметику не знает вовсе, посетовали: «Это жалко, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и её подковок несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает и дансе не танцует»².

«Гендер», переведенный на русский, на мой взгляд, оказывается в сходной ситуации – он с трудом «прыгает» и уж точно «не танцует». Тяжесть местных подков оказалась непосильной для аккуратно рассчитанной точности англоязычной аналитической категории. Не претендуя на целостность обзора, мне хотелось бы кратко остановиться на тех причинах, которые, на мой взгляд, лежат в основе неудачных попыток русифицировать «гендер».³

Отечественные исследователи «гендера» в своих рабо-

2 Лесков Н. *Собрание сочинений* в 6 т. Т. 4. М., 1973. С. 48.

3 Краткий библиографический обзор по данной теме см.: Дашкова Т. Гендерная проблематика: подходы к описанию // Бордюгов Г.А. (ред.). *Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя*. М., 2003.

тах любят ссылаться на Джоан Скотт, специалиста по французской истории из Принстона, которая в 1986 г. предложила расширить аналитический арсенал (исторической) науки за счет использования термина *gender*, этой «полезной категории исторического анализа», как ее охарактеризовала сама Скотт.⁴ В отечественном варианте, однако, в этой формулировке акцент обычно делается на прилагательном «полезный», в то время как *категориальная, аналитическая* природа «гендера» остается, как правило, в тени. Например, в 1996 г. А. Посадская ретроспективно аргументировала полезность данной категории следующими факторами:

Следуя за дискуссиями среди феминисток, было решено ввести в русский язык слово «гендер», чтобы избежать всяких ложных коннотаций и создать ситуацию, когда людям будет интересно содержание незнакомого слова. Введение концепции «гендера», с одной стороны, позволило расширить различия между биологической и социальной стороной в конструировании фемининности и маскулинности... с другой стороны, оно явилось важным инструментом для того, чтобы избежать критики относительно «забвения мужчин». Но, что было особенно важно, оно открыло возможность введения женских исследований в России в глобальные феминистские дебаты, позволяя преодолеть их историческую изоляцию, как и претензию (ненамеренную) быть «совершенно специфическими»⁵.

Цитата, на мой взгляд, четко демонстрирует стратегические принципы, на которых во многом строится идеология и философия отечественных «исследований гендера»: лингвистические заимствования призваны обеспечить вполне утилитарные – в данном случае, так сказать, «геостратегические» – цели. В свою очередь, результат исследования подменяется эффектом терминологической новизны. Происходит ли при этом желаемое расширение «различия между биологической и социальной стороной в

4 Русский перевод статьи см.: Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // *Гендерные исследования*. 2000. № 5. Здесь и далее я пользуюсь собственным переводом оригинала: Scott J. Gender: A useful category of historical analysis // Scott J. *Gender and the politics of history*. N. Y., 1988.

5 Посадская А. Женские исследования в России: перспективы нового видения // Мальшева М. (ред.). *Гендерные аспекты социальной трансформации*. М., 1996. С. 21.

конструировании фемининности и маскулинности»? Вряд ли. Скорее, происходит то, что Пьер Бурдьё справедливо и точно назвал процессом «соматизации социальных отношений господства»⁶, при котором иерархия анатомически дифференцированных *тел* (женщины/мужчины) оказывается в основе анализа сети *социальных* отношений.

Приведу показательный пример. Известная московская демограф Н.М. Римашевская в одной из своих статей пишет: «Проблема гендерной асимметрии проявляется прежде всего в том, что женская рабочая сила, осложненная социальными факторами, связанными с разделением ролевых функций по полу, теряет свою конкурентоспособность на рынке труда»⁷. Проблема «гендерной асимметрии», говоря проще, оказывается следствием асимметрии сложившихся *половых ролей*, но рынок труда продолжает при этом восприниматься как место конкуренции женской и мужской «*рабочих сил*», потенциально равных между собой. Конкуренция в данном случае понимается исключительно как конкуренция анатомически различаемых тел, вернее – анатомические признаки выступают тем основным фактором, который, собственно, лежит в основе дифференциации «рабочей силы». Вопрос о том, может ли «женская» – равно как и «мужская» – «рабочая сила» существовать на рынке труда, *не будучи* при этом «осложненной *социальными факторами*, связанными с разделением ролевых функций по полу», остается за скобками. «Гендерная асимметрия» в итоге оказывается лишь обновленным вариантом «полового диморфизма», а анатомические различия *тел* – исходной и конечной точкой исследования, не столько способствующего, сколько препятствующего анализу *социальной природы* пола.⁸

Приведу еще один пример. Московская социолог Галина Силласте в статье с характерным названием

6 Bourdieu P. Op. cit. P. 23.

7 Римашевская Н.М. Гендер и экономический переход в России // Мальшева М. (ред.). *Гендерные аспекты социальной трансформации...* С. 39.

8 См.: Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России // *Народонаселение*. 2000. № 2.

*Гендерная социология как частная социологическая теория*⁹, отметив «попутно... что в 'чистом виде' понятие 'гендер' самостоятельного социального содержания не имеет», пишет, ссылаясь на работы Н. Смелзера:

Признак половой идентичности определяет сексуальные роли, которые проявляются в разделении труда, в различиях прав и обязанностей мужчин и женщин. ...При фиксации различий между мужчинами и женщинами многие западные социологи... не ограничиваются проблемой половой идентичности и анализируют социальные отношения в зависимости от пола. В этом контексте категория «гендер» еще не является социальной. Социальная суть явлений проявляется только тогда, когда возникают социогендерные отношения, выявляемые в ходе социологических исследований, или когда изучается социальный статус конкретной половой (гендерной) группы.¹⁰

Проблема не только в том, что параметры и структура «контекста», способного лишить «гендер» социального значения и содержания, так и остаются невыявленными. Важнее другое – подобно Римашевской, источник различия «прав и обязанностей мужчин и женщин» Силласте в конечном итоге видит в *признаке* половой идентичности, а, допустим, не в сложившейся конфигурации власти. Показателен и еще один момент: несмотря на заявленную фундаментальную значимость «признака» половой идентичности как для

---

9 Вопрос о том, как именно «гендерная социология» – т.е. специфический набор исследовательских практик, связанных с изучением отношений между полами, – превращается в социологическую теорию, предполагающую наличие стройной системы интерпретационных принципов, у Силласте остается непроясненным. Анализ теоретических принципов «частной социологической теории» заменен в тексте ссылкой на абстрактную «теорию среднего уровня» Р. Мертона и дискуссией о проблемах соотношения «гендерной социологии» и феминизма (в качестве теоретических принципов в данном случае предложены: принцип «приоритета социальных интересов женщин»; принцип «социально-критического отношения ко всем без исключения фактам дискриминации по половому признаку»; принцип вооружения «женских движений... стратегией преодоления всего, что препятствует консолидации женщин», и, наконец, принцип «необходимости строго учитывать для женской социальной общности биолого-физиологические особенности пола в борьбе феминисток». См.: Силласте Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // *Социологические исследования*. 2000. № 11. С. 8–9.

10 Силласте Г. Гендерная социология... С. 6.

разделении труда, так и для правовых различий между мужчинами и женщинами, ни сам «признак», ни «половая идентичность» необходимыми и достаточными условиями для *социального* анализа не являются и должны быть дополнены бессодержательным «гендером».

Методологическая полезность «гендера» оказывается ненамного очевиднее и тогда, когда его использование основано не на прагматических политических интересах, а преследует определенную аналитическую цель. В статье, посвященной трансформации «истории женщин» в «гендерную историю», московский историк, например, констатирует, что, «будучи фундаментальным организующим *принципом описания* и анализа различий в историческом опыте женщин и мужчин, их социальных позициях и поведенческих стереотипах и в чем бы то ни было еще, *категория* гендера должна быть методологически ориентирована на подключение к более общей *объяснительной схеме*» (курсив мой. – С. У).¹¹ Сразу за этим выводом следует неожиданный поворот:

Поскольку *гендерные модели* «конструируются» обществом (т.е. предписываются институтами социального контроля и культурными традициями), воспроизводство *гендерного сознания* поддерживает сложившиеся системы отношений господства и подчинения, а также разделения труда по *гендерному признаку*. Понятно, что в этом отношении гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности наряду с этнической и классовой принадлежностью. Именно таким образом в конечном счете смещение «нервного центра» *гендерной асимметрии* от природных характеристик к социально-культурным включило отношения между полами во всеобъемлющий комплекс социальноисторических взаимосвязей (курсив мой. – С.У).¹²

Логика «большого скачка» от гендера как «*фундаментального принципа* описания и анализа» (уже существующих?) различий к *гендерным моделям*, *гендерному сознанию*, *гендерно-*

11 Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 124.

12 Репина Л.П. *Пол, власть и концепция «разделенных сфер»...* С. 124.

му признаку, гендерному статусу и гендерной асимметрии при этом остается неочевидной. Если «гендер», как и другие категории (например, «функция» или «структура»), есть не что иное, как плод аналитического воображения, облегчающий «ориентировку на местности», но не имеющий ничего общего с этой местностью, то как именно происходит трансформация этого «фундаментального принципа описания» в «один из конституирующих элементов социальной иерархии» (курсив мой. – С.У.)? Кто именно в данном процессе выступает предписывающим «институтом социального контроля» и чьи именно «культурные традиции» навязываются в качестве нормативных? Не является ли эта «трансформация» элементарным следствием отождествления метода анализа с объектом анализа, т.е. следствием интеллектуальной проекции самой исследовательницы, в ходе которой аналитическая и описательная категория начинает определять параметры объекта исследования? Наконец, почему только «гендерная асимметрия» со смещенным («нервным») центром позволяет воспринимать «отношения между полами» как комплекс взаимосвязей? Вернее, почему без подобных («нервных») смещений и («гендерных») асимметрий комплексный анализ отношений между полами в отечественных условиях оказывается вдруг невозможным?

Напомню, что свою широко ныне цитируемую статью о полезной категории исторического анализа Скотт начала с примечательной фразы: «Те, чья задача состоит в кодификации смысла слов, терпят поражение, потому что слова – так же, как идеи и вещи, которые эти слова призваны обозначить, – имеют свою историю».¹³ Далее, как известно, Скотт детально описывает феминистский пируэт в истории слова «gender» – слово, изначально использовавшееся для обозначения грамматического рода, стало сознательно употребляться феминистками для подчеркивания «социальной организации отношений между полами» (курсив мой. – С.У.).¹⁴

Ключевым в процитированной фразе Скотт является, разумеется, слово «история». Кодификация смысла оказывается невозможной именно потому, что предыдущее, исторически сложившееся, значение вступает в противоречие с новой, скла-

13 Scott J. Gender: A useful category... P. 28.

14 Ibid..

дывающейся практикой его – слова – использования. Дестабилизирующий смысловой эффект (феминизма), таким образом, становится функцией исторического (патриархального) контекста, являясь возможным лишь при наличии определенного – в данном случае, семантического – прошлого, при наличии определенных – в данном случае, лексических – рамок. Говоря иначе, *изменение* традиций и нормативов требует в качестве естественной предпосылки существования (и осознания) этих самых традиций и нормативов. Или, в иной транскрипции, историзм явления, т.е. его трансформация во времени, может быть очевидным лишь на относительно стабильном фоне.

Данное соотношение динамики и статики неизбежно и при *анализе* трансформаций. О подобном методологическом законе еще в начале XX в. писал Фердинанд де Соссюр, специально подчеркивая логическую невозможность *совмещения* анализа диахронических, эволюционных, отношений между элементами внутри системы с анализом синхронических, т.е. существующих на данный момент, отношений между элементами и самой системой¹⁵. «Попытка объединить внутри одной дисциплины столь различные по характеру факты, – писал Соссюр, – представляется фантастическим предприятием».¹⁶

Сформулирую ту же самую мысль проще: изменение *системы* (гносеологических, лингвистических, идентификационных координат) вряд ли возможно без устойчивой «точки» опоры *вне* этой системы, и, соответственно, можно сколько угодно заниматься «смещением центра» *в рамках* системы, не производя при этом каких бы то ни было существенных изменений общей конфигурации, будь то язык, теоретическая парадигма или, например, социальная структура. Анализ динамики «отношений между полами», таким образом, всякий раз с неизбежностью основывается на допущении относительной стабильности (существования) *самих* «полов». В свою очередь, акцент на нестабильности «пола», неспособности данной категории и явления выступать в качестве самодостаточного и телеологического *основания* как идентичностей, так и связанных с ними практик дает возможность приступить к анали-

15 Как отмечал де Соссюр, «синхроническое явление не имеет ничего общего с диахроническим: первое есть отношение между одновременно существующими элементами, второе – замена во времени одного элемента другим, то есть событие» (Соссюр Ф. *Труды по языкознанию*. М., 1977. С. 123).

16 Там же. С. 118.

тическому разбору (или демонтажу) того гносеологического, лингвистического и т.п. «фундамента», благодаря которому «пол», собственно, и производит впечатление изолированной, т.е. *самостоятельной*, категории.

Именно эту взаимосвязь элементов и системы и подчеркивала Джоан Скотт в ряде своих статей, отмечая, что привилегированное аналитическое положение той или иной *категории*, превращение этой категории и в *объект* (т.е. источник знания), и в *метод* (т.е. способ получения знания) исследования с неизбежностью ведет к методологической гиперинфляции, возводящей *категорию* в статус *системы*.¹⁷ Обращая внимание на иллюзорную, фантазматическую природу «целостности» категорий, Скотт вновь и вновь акцентировала то, что:

...категории идентичности, основы которых мы рутинно видим в физических особенностях наших тел (пол и раса) или в нашем культурном наследии (национальность, религия), на самом деле оказываются увязанными с этими основами лишь ретроспективно: предсказуемая и естественная последовательность в данном случае отсутствует. Иллюзия непрерывности становится итогом ссылок на категории людей (женщины, рабочие, афроамериканцы, гомосексуалисты), как будто сами эти категории не подвержены переменам, в отличие от исторических обстоятельств, в которых эти категории пребывают.¹⁸

Как можно примирить с этим глубоко исторически ориентированным подходом, с этим последовательным стремлением обнаружить «археологический» фундамент и категорий исследования, и той системы, в пределах которой эти категории возникли и приобрели господствующее значение, настоячивые отечественные попытки убедить в аналитической полезности категории, которая не имеет ни исторического прошлого в рамках сложившейся *системы* общественнознания, ни устойчивых отношений с *другими категориями* данной

17 Scott J. The evidence of experience // *Critical Inquiry*. 1991. Vol. 17(4). P. 777.

18 Scott J. Fantasy echo: history and the construction of identity // *Critical Inquiry*. 2001. Vol. 27. P. 285.

системы?¹⁹ Если *аналитическая* цель западных *gender studies* состоит в попытке показать, что *смысл* тех или иных категорий, используемых при создании картины реальности, исторически обусловлен и потому изменяем; если *политическая* цель западных *gender studies* как раз и состоит в практической попытке изменить *реальность*, начав с изменения категорий, с помощью которых эта реальность конструируется и приобретает структуру, то что может дать – хотя бы гипотетически – подобный терминологический импорт, при котором изначальное стремление деконструировать устоявшийся смысл базовых идентификационных понятий оказалось сведенным к стремлению обустроить символическое поле, необходимое для существования поспешно импортированной категории? Насколько велика прибавочная стоимость этого неэквивалентного символического (термино-)обмена?

В этом отношении любопытно использование «гендера» исследователями, предпочитающими недвусмысленно дистанцироваться от обвинений в возможной «политической ангажированности». Например, московский филолог А. Кирилина, настойчиво подчеркивающая в своих работах отсутствие (необходимости) «феминистского» влияния в отечественной лингвистике²⁰, характеризует «лингвистическую гендерологию»²¹ как «постмодернистскую лингвистику, отрицающую как общую методологию, направленную на поиск объективной истины, так и математические и логические методы, легче поддающиеся верификации» (с. 80). Каков коэффициент полезности «гендера» в данном случае? Минимален. Поясняя принципы употребления «гендера», Кирилина отмечает: «В монографии мы пользуемся преимущественно понятиями *гендер*, *социальный пол* и *пол*, рассматривая их в рамках

19 Проблема практик, которые данная категория призвана описать, представляет собой еще один, не менее противоречивый пример соотношения импортной категории и отечественной реальности.

20 «...Исследователям, имеющим опыт жизни в СССР, хорошо известно, какие ограничения накладывала на свободу научного поиска марксистская идеология, поэтому нет никаких оснований утверждать, что любая другая идеология (в том числе и феминистская) скажется на развитии науки более плодотворно, чем марксизм-ленинизм» (Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерий научности // *Гендер как интрига познания* / сост А.В. Кирилина. М., 1999. С. 21).

21 См.: Кирилина А. *Гендер: лингвистические аспекты*. М., 1999. С. 22. Далее ссылки на это издание даются в скобках в тексте.

своей работы как синонимы...» (с. 22). За заявкой о том, что «гендер»... оправдал себя прежде всего с концептуальной точки зрения, наиболее наглядно демонстрируя культурную, а не природную доминанту моделирования пола» (с. 22), следует вполне традиционный процесс соматизации социального:

Процесс категоризации в человеческом сознании идет от конкретного к абстрактному, поэтому сама номинация метафизических понятий «мужественность» и женственность» была мотивирована конкретным человеческим опытом – наличием двух типов людей с разными функциями. Внутренняя форма метафизических категорий «женственность» и «мужественность» отсылает к людям разного пола и заставляет приписывать им качества, свойственные этим категориям... (с. 101).

В данном случае поражает не только та легкость, с которой филолог «попутно» – но окончательно – решает вопросы о сути процесса категоризации и о характере отношений между единичным и общим. «Закон индукции, – напомню Витгенштейна, – поддается обоснованию не в большей мере, чем определенные частные положения, относящиеся к материалу опыта»²². Не менее важен и тот своеобразный стихийный фрейдизм аргументации, который позволяет автоматически воспринимать многообразие «конкретного человеческого опыта» сквозь призму «разных функций» «двух типов людей»²³, и та причудливая логика смещения дискурсивного и практического, в ходе которой «внутренняя форма категорий» (курсив мой. – С.У.) вдруг начинает свою самостоятельную, – надо полагать, «метафизическую» – деятельность по отождествлению людей и категориальных качеств. Выступая не столько объектом анализа, сколько классифицирующим клише, «пол» в данном случае приобретает стабильность исходного бинарного понятия; понятно, что при таком подходе и сам «термин *гендерный* ис-

22 Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. 1. М., 1994. С. 383.

23 О социальном конструировании подобной бинарности в процессе осмысления опыта восприятия см., напр., классический текст: Mead M. *Male and female: A study of sexes in a changing world*. N. Y., 1949; о процессе дискурсивной консервации сексуальной и половой таксономии см. также: Porter R., Teich M. (eds.). *Sexual Knowledge, Sexual Science: The history of attitudes to sexuality*. Cambridge, 1994; Epstein J., Straub K. (eds.). *Body guards: the cultural politics of gender ambiguity*. N. Y., 1991.

пользуется для обозначения полового диморфизма в языке...» (с. 31). Категория, призванная подчеркнуть социальные аспекты пола, вновь оказывается заурядной проекцией исходного биологического деления²⁴.

Разумеется, цель подобных примеров вовсе не в том, чтобы еще раз заявить, что терминологический импорт вреден и/или излишен – категориальный, да и концептуальный, аппарат отечественных общественных наук во многом состоит именно из таких – случайно и/или осознанно – «завезенных» продуктов. Проблема, повторяюсь, не в импорте «продуктов», а в их усвояемости, т.е. в способности не вызывать реакцию отторжения организма на элементарном уровне. Виктор Шкловский, как всегда точно, сформулировал суть сходной методологической проблемы. «Трудность положения пролетарских писателей, – отмечал критик в середине 1920-х, – в том, что они хотят втащить в экран вещи, не изменив их измерения»²⁵. Именно об этом элементарном, базовом соотношении «экрана» и «вещей» зачастую и забывают сторонники «гендерного измерения». Суть не в том, сможет или не сможет «завезенное» означать найти для себя какое-либо означаемое. Суть в том, что *мотивировка* необходимости импорта понятия противоречит *практике* его использования: русифицированный термин в лучшем случае обречен на выполнение тавтологических и/или синонимических функций. И вряд ли является случайным то, что в результате подобной утраты какой бы то ни было аналитической полезности взятый напрокат «гендер» превращается в «тип интригообразования», в мистическую «междисциплинарную интригу познания»²⁶.

Сформулирую чуть иначе. Если история постструктуралистской критики текста и способна оказать какое-либо ме-

24 Понятно, что анализ исторических, социологических, филологических и т.п. версий подобного деления вполне имеет право на существование. Речь о том, что это право вовсе не нуждается в терминологическом подкреплении со стороны «гендера». Пример откровенного «биологического» объяснения половых различий см.: Бутовская М.Л. Биология пола, культура и полоролевые стереотипы поведения у детей // *Семья, гендер, культура* / под ред. В.А. Тишкова. М., 1997. Критика биологизаторства в науках об обществе см.: Naraway D. *Simians, cyborgs, and women: Reinvention of nature*. N. Y., 1991; критика «генетического» подхода в «мужских исследованиях» см.: Whitehead S., Barrett F. *The sociology of masculinity* // Whitehead S., Barrett F. (eds.). *The Masculinities Reader*. Cambridge, 2001. P.10–12.

25 Шкловский В. *Третья фабрика*. М., 1926. С. 99.

26 Халеева И.И. Гендер как интрига познания // *Гендер как интрига...* С. 10, 15.

тодологическое влияние на практику социального анализа, то смысл этого влияния, разумеется, состоит не в отрицании логической последовательности исследования и не в методологической всеядности, но в том особом внимании, которое уделяется роли языка в процессе исследования. Являясь способом *выражения* результатов анализа, язык одновременно становится важнейшим *инструментом* самого анализа. На мой взгляд, именно об этой формирующей и сформированной роли языковых механизмов и забывают сторонники и сторонницы русификации «гендера». Речь, иными словами, идет о вполне конкретном случае методологической неразборчивости, в котором нежелание определяться с собственными теоретическими установками и принципами, нежелание – воспользуюсь известным феминистским понятием – локализовать свою «местоположенность»²⁷, то есть нежелание очертить внешние пределы собственного поля зрения/исследования, «полезно» маскируются категорией, смысл которой оставляется непроясненным. В результате, как справедливо замечают Елена Здравомыслова и Анна Темкина, отечественные «гендерные исследования» оказываются в двойных тисках: отсутствие почвы, необходимой для «культурной легитимации гендерных исследований в российском общественном сознании» сопровождается отрывом отечественного «переводного феминизма» от исходных (зарубежных) теоретических оснований²⁸.

Несомненно, категориальная, концептуальная, методологическая или, например, стилевая последовательность – личное дело каждого конкретного исследователя. Проблема в другом. На мой взгляд, подобный теоретико-терминологический импорт, как мне уже приходилось писать²⁹, фактически лишает отечественную философию и социологию пола возможности продемонстрировать, что самоочевидность пола – и категории, и явления – есть результат определенных

27 О «местоположенности» см. подробнее мои статьи: Ушакин С. Местоимени-я: семья как способ организации жизни // *Семейные узы: модели для сборки* / под ред. С. Ушакина. М., 2003; Ушакин С. Политическая теория феминизма // *Вопросы философии*. 2000. № 11. С. 37–38.

28 Здравомыслова Е., Темкина А. Институционализация гендерных исследований в России // *Гендерный калейдоскоп: курс лекций* / под ред. М. М. Альшевой. М., 2002. С. 44.

29 См.: Ушакин С.А. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // *Человек*. 1997. № 2; Ушакин С.А. Поле пола: в центре и по краям // *Вопросы философии*. 1999. № 5.

дисциплинарных усилий по формированию его *границ*, что устойчивость так называемых «половых признаков» определяется устойчивостью соответствующих классификационных схем и клише, что, наконец, степень *пол*-ярности «мужского» и «женского», как и их иерархическое соподчинение, крайне далеки от того, чтобы являться репрезентацией анатомических различий. Иными словами, отечественная генеалогия понятия «пол», история отношений этой категории с устоявшимися – политическими, экономическими, эстетическими и т.п. – категориями, как и структурная и структурирующая роль этого понятия в самой знаковой системе и символических практиках оказались сведенными на нет попытками убедить, что наряду с «полом», «половыми отношениями» и отношениями «между полами» у нас есть еще и «гендер», полезная категория для анализа. Вполне в стиле традиций вульгарного марксизма деконструкция «пола» – так сказать, дестабилизация «базиса» – путем транслитерации *gender* свелась к формированию очередной «идеологической надстройки».

Гендер, разумеется, только начало «большого пути». Отсутствие соответствующей смысловой структуры закономерно проявилось в наращивании цепочки заимствованных означающих – за «гендером» последовали непере译имые *doing gender, queer studies* и тому подобные «эссенциализмы» оформляющегося параллельного «новояза». Сама по себе эта настойчивая терминологическая мимикрия вряд ли интересна. Важно другое. Мимикрия в данном случае – это не диагноз, а симптом. Симптом колониального сознания, с его глубоко укоренившимся кризисом собственной идентичности, с его неверием в творческие способности собственного языка, с его недоверием к собственной истории и собственным системам отсчета.

Показательно, что многочисленные рассуждения о полезности «гендера» и прочих атрибутов так называемых «исследований гендера», как правило, обходят молчанием один, казалось бы, очевидный вопрос. А именно: можно ли говорить о несовпадаемости импортируемого концептуального аппарата и той ситуации, для описания которой этот аппарат используется? Можно ли говорить о тех смысловых зазорах и интервалах между «западным» означающим и «местным» означаемым, благодаря которым, собственно, возникает и сохраняется

историческое и культурное своеобразие? Или речь идет об универсальном теоретическом лекале, способном «охватить» любую реальность, независимо от ее происхождения?³⁰ Приведу последний пример. Предваряя специальный выпуск журнала *Общественные науки и современность*, посвященный «гендерным исследованиям» в России, московский философ феминизма, например, отмечает:

В то время как на Западе уже сформировались идеи о необходимости различать понятия «пол» и «гендер» (1970-е гг.), в России слово «пол» употреблялось и тогда, когда речь шла о биологических его аспектах, и когда имелись в виду социальные аспекты, и даже тогда, когда говорили лишь об элементах комнатного декора.³¹

Философ удобно забывает добавить, что «на Западе» речь шла о различении *sex* и *gender*, то есть о различении категорий, ни одна из которых не имеет однозначного эквивалента в русском языке. Оставлено неотмеченным и то, что подобное различие (*sex/gender*) происходило и происходит в рамках одного и того же языка – путем сознательной дестабилизации глубоко укоренившихся смыслов. Показательно и еще одно умолчание: вместо использования уже имеющейся полифонии смысла таких понятий, как «пол», «род», «мужественность»,

---

30 Предисловие петербургских социологов Е. Здравомысловой и А. Темкиной к *Хрестоматии феминистских текстов* является единственной известной мне работой, в которой сделана попытка напрямую обсудить проблемы перевода и переводимости иностранных теорий и концепций. Как пишут социологи, «переводя феминистские тексты, мы постоянно решаем дилемму верности: изменяем родному языку, желая сохранить верность оригиналу; в то же время изменяем оригиналу, загоняя его в русло родного языка. Такого рода *измены* оказываются неизбежными, поскольку перевод предполагает интерпретацию текстов и создание их новых версий. Таким образом, происходит двойная измена, сохраняется двойная верность, формируя новую дискурсивность». Проблема, однако, как мне кажется, заключается в том, что «интерпретации и созданию новых версий» авторы зачастую предпочитают транслитерацию *ключевых понятий*, не имеющую ничего общего ни с «интерпретацией», ни с «созданием» новых версий иноязычных текстов. Ср.: «...Мы считаем закономерностью перевода феминистского текста невозможность перевести многие термины на русский язык (такие как *gender*, *nomadic subjectivity*, *female subject (she)* и др.)» (Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс // *Хрестоматия феминистских текстов*. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2000. Цит. по: <http://www.eu.spb.ru/gender/publications.htm>

31 Воронина О. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 19.

«женственность», вместо попыток проследить причины и условия возникновения семантических смещений и переплетений предлагается внедрить одномерный «западный» стандарт, провести своего рода теоретический евроремонт...

Пожалуй, единственным серьезным теоретическим тезисом в защиту «гендера» могла бы стать попытка показать, что «пол» – в отличие от «гендера» – *не является* продуктом и объектом власти, ее дискурсивных и институциональных механизмов подчинения и господства. В историческом плане сомнительность подобного аргумента очевидна любому читателю *Домостроя* или *Морального кодекса строителя коммунизма*: род, родовые отношения, пол, половая идентичность, половые отношения и, наконец, отношения между полами на протяжении отечественной истории являлись объектом социального контроля и коррекции, объектом подавления и сопротивления. Что именно, кроме терминологической невнятности, к этой истории может добавить «гендер»? Теоретически же – помня выводы Мишеля Фуко о капиллярном присутствии власти, о ее скрытом/скрываемом характере – тезис о «безвластном» поле лишь подтверждает успешность символических действий самой власти, ее способность репрезентировать в качестве «абсолютно невинных» именно те объекты и явления, концентрация властных отношений в которых является особенно критической.

Не так давно, рассуждая об эволюции предложенной «полезной категории», Джоан Скотт – не без горечи – заметила, что деление «sex/gender» привело к неожиданному результату: *sex* стал восприниматься как неоспоримая данность, а *gender* в свою очередь приобрел «вкус обществоведческой нейтральности». Как пишет Скотт:

Именно поэтому все реже и реже в своих работах я использую *gender*, предпочитая вместо этого говорить о различиях между *sexes* и о биологическом *sex* как исторически изменчивой концепции. [Хотя] это... может быть воспринято (особенно в нынешнем дискурсивном контексте) как одобрение идеи о том, что *sex* является естественным фактом, мне все же кажется, что поиск терминов и теорий, способных поставить под сомнение самоочевидность истории вообще и истории женщин в частности, необходимо вести в другой плоскости. Я не предлагаю вычеркнуть из нашего словаря *gender* и те полезные понятия, которые

ассоциируются с этим термином. Речь не идет и о попытке полицейского контроля над использованием этого термина для того, чтобы обеспечить господство нашего смысла. Это не только невозможно, но и свело бы на нет гибкость и подвижность языка, его решающую роль в социальных изменениях. Скорее, мне думается, нам нужно двигаться вперед, провоцируя переосмысление допущений, ставших уже рутинными. Именно тогда, когда мы думаем, что мы знаем точный смысл слова, именно тогда, когда его употребление перестает вызывать споры и дебаты, нам особенно нужны новые слова и новые концепции или, может быть, новые конфигурации и интерпретации уже существующих идей³².

Вопрос в том, нужна ли *нам* эта ревизия уже существующих идей. Или мы так и останемся с «гендером»? Полезной категорией из чужого анализа...

---

32 Scott J. *Millennial fantasies: The future of gender in the 21st century*. Текст выступления на семинаре *Production of the Past* 6 мая 2000 г., кафедра антропологии, Колумбийский университет (Нью-Йорк).

Александр
ПершайЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БОРЬБА ЗА ПРАВА
ЖЕНЩИН БОРЬБОЙ ЗА ГЕНДЕРНОЕ
РАВЕНСТВО?, ИЛИ О НЕОБХОДИМО-
СТИ ВКЛЮЧЕНИЯ В ДИСКУРС ДРУ-
ГИХ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ
ГРУПП

В последнее время много говорят о гендерном равенстве, но мало кто задумывается над тем, что на самом деле значит этот термин. В большинстве случаев политики, активисты и ученые *гендерным равенством* называют «равенство полов», а именно – равенство мужчин и женщин. Поэтому для многих «гендерное равенство» принимает форму борьбы за права женщин, которые помогут построить общество, где мужчины и женщины будут иметь равные возможности. Часто термины *гендерное равенство* и *права женщин* отождествляются и употребляются в качестве взаимозаменяемых категорий, что по сути неправильно. Такое понимание гендерного «равенства» сосредоточено только на правах мужчин и женщин и исключает права представителей всех остальных полов и гендерных идентичностей – ведь полов гораздо больше, чем мужчины и женщины. Именно проблема упрощенного понимания гендерного равенства на постсоветском пространстве явилась толчком к написанию этого комментария. О чем, на самом деле, идет речь, когда мы произносим «гендерное равенство»?

Подчеркну, что я обеими руками голосую за права женщин и поддерживаю необходимость «выравнивания» возможностей женщин принимать участие в политической жизни, карьерного роста и ликвидации «стеклянного потолка», возможности самими женщинами рапортоваться своим телом и обладать правом на аборт и пр. Но борьба за права женщин не является борьбой за гендерное равенство, так как она охватывает только одну группу – пусть самую большую, но *одну из многих* социальных групп, ежедневно испытывающих дискриминацию по признаку пола. Другими словами, речь идет

не столько о правах женщин, сколько о необходимости признания того, что существует пол, который находится за пределами нормативных «мужчин» и «женщин».

Так, например, есть люди, рожденные со «смешанными» половыми органами. В североамериканском дискурсе это явление называют *intersexuality* – дословно, «междуполовость», т.е. пол, который находится «между» представителями нормативного пола. Причем, таких людей не так мало. Другое дело, что в одних культурах люди, с «неопределимым» полом почитаются, как некто ближе к богу, а в других, в частности в Евроцентристской цивилизации, как аномалия, которую нужно «исправить» и о которой нужно молчать. В наши дни многие родители не прибегают к хирургическим вмешательствам, в то время, как ранее в таких случаях дети с «неопределимым» полом подвергались многочисленным операциям по «исправлению» репродуктивной системы, согласно «женскому» или «мужскому» образцу. Я предпочитаю использовать термин *меж(ду)половость* для обозначения интерсексуальности для того, чтобы подчеркнуть несовпадение этой категории с гетеронормативными требованиями к полу. Русскоязычное ухо в термине *интерсексуальность* слышит сексуальность, а не пол, в то время как в англоязычном дискурсе этот термин прежде всего апеллирует к полу, точнее к невозможности его узнавания.

Другая группа, немного более социально заметная, но не менее табуированная и медиализированная – это трансгендеры.¹ Сам термин *трансгендерность* является «зонтичным» и покрывает многообразие не сисгендерных, нормативных форм пола. *Сисгендерный* (от англ. *cisgendered*) означает людей, у которых их врожденный биологический пол не противоречит их гендерной идентичности – тому, как человек себя видит и определяет, – например, у биологических женщин, которые живут и чувствуют себя как женщины, а не как мужчины или как-то еще – второе переведет их в ранг трансгендерности.

Трансгендерность очень разнородна. Часто эта категория пола рассматривается через призму узнаваемых и легитимных

---

¹ Интерсексуальность и трансгендерность – это две абсолютно разные категории, приравнивать которые не правильно. В этой статье я апеллирую к трансгендерности и интерсексуальности как к двум не тождественным группам, которые в равной степени, но *по-разному* угнетаются традиционной гетеронормативной системой.

форм существования нормативного пола: женщин и мужчин, женственности и мужественности. Для некоторых трансгендерных индивидов дихотомия женского и мужского не приемлема. Использование слов *мужчина* и *женщина* по отношению к себе они находят некомфортным, так как эти термины замыкают их в «чужом» пространстве, заставляют выбирать одну из форм нормативного пола, ни одна из которых к ним не применима.² Другими словами, традиционные формы пола принуждают часть трансгендерного сообщества быть теми, кем они не являются. В этом случае трансгендерность может означать свободу от традиционных форм определения пола и гендерной идентичности. С другой стороны, некоторые трансгендерные индивиды видят себя исключительно как мужчин и женщин, со всеми атрибутами мужественности и женственности. Применение каких-либо других терминов по отношению к ним будет восприниматься как унижение. Вторая группа трансгендеров более социально «знакомая»; в некоторых случаях она ведет к операции по перемене пола и определяется как транссексуальность. Хотя, такое разделение достаточно условно, так как каждый случай трансгендерности индивидуален и может противоречить нормативному пониманию пола.³

Возвращаясь к проблеме гендерного равенства, важно задать вопрос, почему интерсексуальность и трансгендерность обычно выпадают из поля зрения тех, кто борется за права человека и с дискриминацией по признаку пола? Почему проблемы неравных возможностей всегда сводятся только к борьбе за улучшение прав женщин, оставляя за бортом все остальные маргинальные формы пола и идентичности? Проблема такого категориального смещения гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. И дело тут не только в том, что такое отношение к проблеме гендерного равенства несправедливо по отношению к конкретным живым людям,

---

2 См. например, работы Дэвида Вэлентайна, в которых он рассматривает проблему насилия категорий трансгендерности и их разноплановое восприятие в трансгендерных сообществах. Valentine D., Wilchins R. A. One Percent on the Burn Chart: Gender, Genitals and Hermaphrodites with Attitude // *Social Text*. 1997. Vol. 52/53. P. 215-222; Valentine D. *Imagining Transgender: An Ethnography of a Category*. Durham, 2007.

3 См. подробнее: А. Першай. Пространство трансгендера: язык, культура и гегемония пола // *Такая*. 2004. №3. 20.07.2004. <http://takaya.eu/texts/essay/transgender/>

чья идентичность или пол отличается от «мужчин» и «женщин». Эта проблема также указывает на то, что пол и гендерная идентичность не просто «естественный порядок вещей» или «культурная норма», а система организации социального пространства, где любые позиции «за гранью» нормативных мужчин и женщин замалчиваются и исключаются из общественной жизни.

Специалистка по вопросам ненормативной сексуальности и квир-политики Шейла Джеффрис отмечает, что гендер, как система распределения ресурсов, является неотъемлемым основанием для конструирования гетеросексуальной нормативности и мужского превосходства в патриархатном обществе.⁴ Без существования мужчин и женщин как *социальных категорий* и *единственно возможных* форм существования пола воспроизводство патриархатных форм будет невозможным. Поэтому для доминирующего гетеронормативного дискурса важно сохранить присутствие двух «привычных» форм пола даже в тех практиках, которые направлены на его деконструкцию. Другими словами, наше нежелание «проговаривать» проблемы гендерного равенства в терминах, отличных от *мужчины* и *женщины*, является актом символического доминирования гетеронормативной системы, пытающейся контролировать и сохранить традиционное восприятие пола, равно как и основанную на этом восприятии форму социальной организации.

Некоторые исследователи называют такую форму социальной организации патриархатом. На самом деле, здесь речь идет о более сложном и всеохватывающем процессе, который выходит за рамки политически ангажированного термина *патриархат*. При частом употреблении в контекстах с сильным политическим подтекстом терминология становится социальным знаком, то есть происходит смещение означаемого: речь уже идет не столько о самой критикуемой форме социальной организации, дискриминирующей по признаку пола, а скорее, о тех политических и идеологических принципах, за которые борется феминизм. То есть, употребление термина патриархат уже слишком общо для того, чтобы увидеть социальность означаемого за его политической

---

4 См.: Jeffrey S. Heterosexuality and the Desire for Gender // *Theorizing Heterosexuality: Telling it Straight*. D. Richardson (ed.) Oxford, 1996. P. 75-90.

значимостью.

Отмечу также, что суть проблемы здесь вовсе не в противопоставлении полов или «отличиях» мужчин и женщин, а в той системе, которая навязывает пол в качестве категориального критерия и заставляет нас видеть именно *разницу* полов. Такой подход весьма распространен на постсоветском пространстве и опасен тем, что он исключает проблематизацию и анализ механизмов распределения власти в отношениях между полами.⁵ Важно, что при таком понимании гендерного равенства речь идет только о мужчинах и женщинах, все остальные право голоса не получают.

Получается, что при редуцировании категории гендерного равенства к борьбе за права женщин все сводится к выравниванию социальных возможностей двух нормативных и биологически узнаваемых форм пола – мужчин и женщин. То есть, по большому счету, гетеронормативная система, которая воспроизводит и сохраняет «понимание» пола и, соответственно, социальные возможности, закрепленные за каждым из «общепринятых» полов, остается без изменений. Происходит «корректировка» деталей, которая иногда может быть в чем-то «прорывной» и что-то менять в конкретном контексте для конкретного нормативного пола, однако, механизм, производящий дискриминацию по признаку пола и другие формы социального угнетения, остается почти без изменений.

Подчеркну, что вышесказанное никоим образом не умаляет важность борьбы за права женщин – необходимо менять очень многое в общественном устройстве, законодательстве, медийных практиках и так далее., чтобы по крайней мере попытаться дать женщинами равные права с мужчинами. Но меняет ли эта борьба что-то в жизни тех, кого привычное понимание пола не замечает? Совпадают ли формы социального и культурного угнетения для женщин, интерсексуалов и

---

5 Антрополог Сергей Ушакин обращает внимание на то, что в постсоветских гуманитарных науках гендер выступает не как категория, «потенциально способная, если не подорвать, то значительно изменить сложившиеся/ сложенные представления о механизмах воспроизводства полового неравенства, о механизмах производства субъектности и субъективности, о механизмах реализации власти, и, наконец, механизмах воспроизводства желания и форм его удовлетворения», а является «обновленным вариантом «полового диморфизма» и «анатомическим различием тел». С. Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс, Москва, 2007. С. 183, 185. См. также сс. 15-31 в этом выпуске альманаха.

трансгендеров? Нет. Значит, имеет смысл называть все как есть и не отождествлять борьбу за права женщин и гендерное равенство. Поскольку последнее не возможно без признания того факта, что формы пола и гендерной идентичности мужчинами и женщинами не ограничивается. Использовать термин *гендерное равенство* и говорить о правах женщин является дискриминацией остальных маргинальных форм пола и гендерной идентичности.

Возникает логический вопрос: что делать? Как вырваться из этой ловушки гетеронормативной системы? Если мыслить масштабно, то будет продуктивно сосредоточиться на создании такого социального пространства, в котором пол, гендерная идентичность и сексуальность не будут иметь первостепенной значимости, какую они имеют сейчас в постсоветском обществе. То есть, создать общество, в котором распределение социальных ресурсов не будет завязано на биологии или нормативности чьей-то гендерной идентичности.

Что реально делать каждому – это просто признать и начать открыто говорить о том, что кроме мужчин и женщин, есть еще множество других форм пола. Другими словами, это вопрос введения трансгендерности, интерсексуальности и всех других гендерно маргинальных групп в социальный и политический дискурс. На практическом уровне это означает сделать эти группы «видимыми», включить представителей этих групп в социальные структуры, позволяющие избежать отчуждения и дающие возможность полноценной общественной жизни, разработки программ социальной защиты, специальной медицинской помощи и пр.

Хотя самым сложным является первый шаг – признать тот факт, что кроме мужчин и женщин существуют другие формы пола и гендерной идентичности. А значит, говоря о гендерном равенстве, мы должны принимать во внимание всех людей, а не только права женщин. Последнее предполагает более четкое означивание целевой аудитории и избежание некорректного употребления термина *гендерное равенство*.

ЖЕНЩИНЫ И МИФ
О ПОТРЕБЛЕНИИ[†]Эллен
Уиллис

Если радикально настроенные белые всерьез думают о революции, им следует пересмотреть значительную часть традиционной идеологии, созданной белыми образованными мужчинами среднего класса для себя же самих. Хорошим примером того, от чего следует избавиться, является распространенная теория консьюмеризма.

Как считают многие левые мыслители, особенно Маркузе, СМИ психологически манипулируют потребителями, заставляя последних желать все больше и больше новых товаров; это поддерживает экономику, которая напрямую зависит от постоянного увеличения продаж. Считается, что эта теория особенно хорошо приложима к женщинам, т.к. те непосредственно занимаются покупками, что связано с их угнетенным положением (покупка косметики, мыла и так далее); поэтому женщины становятся особой мишенью для рекламщиков. Согласно этой точке зрения, общество «создает» женщин как потребительниц, а целью медиа, продуцирующих образы женщин как пассивных сексуальных объектов, является продажа товаров. Из этого следует, что угнетение женщин выгодно не мужчинам, а общей структуре власти.

Прежде всего, ничего плохого в потреблении как таковом нет. Делать покупки – нормальное человеческое занятие, а рынки были центрами социальной жизни на протяжении тысяч лет. На самом деле локус угнетения сосредоточен в производстве: люди не контролируют ни то, какие именно товары производятся, ни их количество, ни условия их производства и распространения. Все эти решения принимаются корпорациями на основе представлений о выгоде.

Само по себе изобилие товаров – не что иное, как мощный компенсационный механизм угнетения. Это – взятка, и, как

[†]Текст Э.Уиллис и комментарий к нему Е.Гаповой были первоначально опубликованы в рамках проекта *Феминистская критика* (ЦГИ ЕГУ), <http://fc.gender-ehu.org/22.htm>

все взятки, оно предлагает конкретную выгоду: степень такого телесного комфорта, если мы говорим об Америке, которого еще не было в истории. В современных условиях люди помещались на потреблении и товарах не потому, что кто-то промывал им мозги, а потому что делать покупки – приятное времяпрепровождение, которое не только разрешено, но активно поощряется теми, кто нами правит. Нельзя сравнить удовольствие, получаемое от мороженого, с тем, которое доставляет имеющая смысл и самостоятельная работа, но первое нам легко доступно, а второе – нет. Бедная семья, конечно, скорее бы хотела приобрести новую квартиру, чем новый телевизор. Но поскольку она врядли сможет позволить себе квартиру, зачем отказываться от телевизора?

Смешение причины и следствия особенно очевидно, если провести «консьюмеристский» анализ угнетения женщин. Не столько медиа превращают женщин в домашнюю прислугу и безмозглую сексуальное украшение, чтобы лучше продавать мыло и лак для волос, сколько такой образ отражает то положение, в котором находятся женщины в сексистском обществе. Мужское доминирование – самая старая и одна из основополагающих форм классовой эксплуатации, и она не изобретена хитрым рекламщиком. Самый большой вред от подобного представления женщин в медиа – это поддержание сексистского статус кво: реклама модной одежды, косметики и «женских гигиенических средств» направлена в большей степени на мужчин, чем на женщин. Она заставляет мужчин ожидать, что женщины будут щеголять всеми самыми последними атрибутами сексуального рабства, а женщин – следовать этим ожиданиям, если они хотят выжить. Рекламщики используют подчиненное положение женщин, а не провоцируют его: это становится ясно на примере того, как мужская одежда и туалетные принадлежности стали в последнее время огромным прибыльным бизнесом. Если основным посланием рекламы женских товаров является «пользуйся этим, и он будет тебя хотеть» (или «если ты не будешь пользоваться этим, то он тебя не захочет»), то мужчинам говорится «можно пользоваться парфюмом и носить яркую одежду – и не бояться казаться женственным». И хотя рекламодатель тщательно подчеркивает мужественность товара, давая ему имя вроде «Брут» или показывая мужчину, который пользуется рекламируемым това-

ром, охотящимся или флиртующим с восхищенными женщинами (которые, между прочим, остаются декоративными элементами, если товар предназначен непосредственно для мужчин), тем не менее, никто не заявляет, что продукт является неотъемлемой частью бытия мужчиной (как косметика является сущностью женственности), а лишь сочетаемым с мужественностью. Чтобы убедить мужчину купить, реклама должна обращаться к его желанию независимости и свободы от традиционных ограничений. Чтобы убедить женщину купить, реклама должна обращаться к потребности нравиться мужчине-угнетателю.

Для женщин покупать, одеваться, прихорашиваться – не столько потребление, сколько работа. Ведь быть сексуально привлекательной видится обществом как одно из женских занятий и, таким образом, одежда и косметика – орудия производства. Аналогично покупка продуктов питания и утвари, их выбор и приобретение для семьи – это повседневная работа по дому для жены. А всякие приспособления и чистящие средства – это то, что помогает ей выполнять домашние обязанности. Когда женщина тратит много денег на украшение дома или себя, или охотится за последней моделью пылесоса, то это не просто потворство своим капризам (не говоря уже об идее психологического манипулирования), а здоровая попытка найти выход для ее творческой энергии в рамках ограниченной и предписанной роли.

Существует миф, что жена контролирует деньги мужа тем, что тратит их. На самом деле у нее не больше финансовой власти, чем у работника корпорации, которого отправили купить мебель для офиса или другие необходимые вещи. Муж – особенно, если он богат, может дать жене большую свободу действий относительно распоряжения деньгами, обосновав это тем, что коль скоро сферой ее занятий является дом, то и обставить его она может на свой вкус. Кроме того, он может просто не хотеть загружать себя домашними хлопотами. Но и в первом, и во втором случае за мужем сохраняется право вето, и, если ему не нравится, как его жена обращается с его деньгами, она услышит об этом. В большинстве семей (особенно рабочего класса) жены не могут потратить значительную сумму на себя или на домашнее хозяйство без согласия мужа. Согласно статистическим данным, чаще именно муж прини-

мает окончательное решение относительно дорогих покупок таких, как мебель, дом, машина или отпуск.

Таким образом, консюмеризм в приложении к женщинам становится сексизмом. Заполонивший все образ пустоголовой блондинки, которая делает покупки и постоянно испытывает терпение мужа своими нелепыми приобретениями, только усиливает миф о мужском превосходстве, говоря: «мы не в состоянии потратить деньги с умом, все, что нам нужно для счастья – новая шляпка сейчас и потом». (Существует аналогичный расистский стереотип: чернокожий в пурпурной рубашке и с кадиллаком). Более того, логика консюмеризма позволяет мужчинам, участвующим сейчас в движении за гражданские права, не замечать того факта, что, объясняя угнетение женщин исключительно наличием капитализма, они сами же их и эксплуатируют. Ведь это объяснение прекрасно вписывается в уже существующую радикальную теорию, оберегая при этом Движение от проблем, которые бы появились, возьмись они за освобождение женщин на самом деле. И это разделяет самих женщин, замедляя борьбу против патриархата (мужского доминирования). Радикалки, презирая консюмеризм, смотрят свысока и осуждают действия тех женщин, которые просто пытаются выжить понятным им способом, сохраняя при этом иллюзию независимости.

Если мы хотим создать массовое движение, следует признать, что индивидуальное решение «не потреблять» не поможет нам освободиться. Надо перестать спорить о том, чей образ жизни лучше (тайно надеясь, что именно наш – самый верный), и бороться против угнетения своей группы, угнетая других. Когда мы создадим альтернативную сексизму, расизму и капитализму политическую модель, то проблема консюмеризма (если это проблема) сама себя изживет.

Текст взят из *Ramparts* (1969).
Перевод Евгений Ивановой.

ЭЛЛЕН УИЛЛИС – одна из «пионерок» американского феминизма новой волны, соучредительница двух самых первых женских активистских групп: «New York Radical Women» (Радикалки Нью Йорка) и «Redstockings» (Красные чулки). Позже, когда борцы за права женщин (а в США в то время женщины не могли учиться во многих университетах – в том числе Колумбии, не имели права

на аборт, не могли занимать многие должности и т.д.) потребовали антисексистской цензуры в СМИ, она стала активной деятельницей феминистских групп (их называли «про-секс»), борющихся с такой цензурой, считая это нарушением свободы слова и возможностей самовыражения.

Эллен Уиллис признана одной из самых интеллектуально провокационных эссеисток своей эпохи. Ее эссе «Женщины и левые» стало важным и переломным текстом для выделившегося из борьбы за гражданские права отдельного женского движения. «Мы собираемся провести свой собственный анализ системы, – заявила она, – поставив при этом на первое место наши интересы вне зависимости от того, как это понравится мужскому левому движению...»

В одном из своих эссе Уиллис писала: «Утверждать, что «материальные интересы» связаны только с принадлежностью к экономическому классу - все равно, что считать, будто такие вещи, как сексуальное удовлетворенность или фрустрация, признание или отказ в «праве», но телесную «независимость» и автономию в сексуальной и репродуктивной областях, наше счастье или страдание как супругов или любовников, родителей или детей, являются нематериальными и никак не влияют на наше физическое существование».

Будучи редактором «The Village Voice», легендарной ньюйоркской левоинтеллектуальной газеты, Уиллис много публиковалась в «New Yorker», «The Nation», «The New York Times», «Salon», а также «Dissent». Она является автором нескольких книг, включая: «No More Nice Girls: Countercultural Essays» [Никаких больше хороших девочек: контркультурные эссе] (Wesleyan, Conn, 1992), «Beginning to See the Light: Sex, Hope, and Rock-and-Roll» [Увидеть свет: секс, надежда и рок-н-ролл] (Wesleyan, 1992), а также «Don't Think, Smile!: Notes on a Decade of Denial» [Не думай, улыбайся!: заметки о десятилетия отрицания] (Boston, 2000).

Эссе Эллен Уиллис «Женщины и миф о потреблении», написано в 1969г. и посвящено сложным отношениям левого движения и феминизма. Вопрос, который она ставит в этом тексте – что «главнее», капитализм или патриархат, то есть где первооснова угнетенного положения женщин? Этот вопрос оказывается чрезвычайно важным и современным для нашей «части света», где капитализм (экономическое неравенство) и патриархат (доминирование мужчин над женщинами – вытеснение их из публичной сферы в домашнюю, попытки ввести государственный контроль над женским телом – см. думский законопроект о необходимости получения разрешения на развод от мужа, введение понятия «материнского капитала» и т.д.) оказались двумя «равновеликими» последствиями падения социализма.

Наталья
Кулинка

КОНКУРС КРАСОТЫ VERSUS ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ?, ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ЖЕНЩИН ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Кто знает, может, и нынешние конкурсантки по прошествии лет займут видное место во власти. Ведь блещут они не только ослепительной красотой, но и живостью ума.
Газета «Советская Белоруссия»

Они и мечтают посредством мужских мечтаний.
Симона де Бовуар

В 2005 г. конкурсы красоты в Беларуси официально признаны одним из эффективных средств борьбы с торговлей женщинами. В этом же году белорусский Президент подписал Декрет № 3, который прямо говорит об этом, и в котором Совету Министров Республики Беларусь поручено: «Обеспечить системную работу по организации и проведению не реже одного раза в два года республиканских и региональных конкурсов красоты»¹.

Этому документу предшествовало два, случайно совпавших по времени, события: парламентская кампания–2004 и отборочные туры Конкурса красоты «Мисс Беларусь». Тексты, произведенные по поводу этих событий, создали то речевое и интеллектуальное единство, которое, с одной стороны, еще раз выявило значение, вкладываемое белорусским обществом в понятие «женщина», а с другой – сделало зримым тот концептуальный механизм, который срабатывает при включении/исключении женщин из сферы принятия государственных решений в постсоветской Беларуси.

1 Декрет № 3 от 9 марта 2005 г. «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми». <http://president.gov.by/press.15192.html>

© Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 1. Пол политики. 2012. Сс. 43-53.

Наконец, это единство дало понимание возможности самой идеи защиты женщин от сексуального рабства посредством проведения конкурсов красоты.

Еще до начала предвыборной кампании–2004 глава государства, обращаясь с Посланием к Национальному собранию и белорусскому народу, заявил:

Женщин в парламенте не должно быть меньше 30–40 процентов. Поэтому я буду всячески поддерживать тенденцию на большее присутствие в парламенте женской части нашего общества. Попрошу и органы власти на местах поддерживать эти процессы, и мужиков-депутатов, которые окажутся в округе вместе с женщинами, чтобы они, может, даже и уступили, дали возможность женщинам поработать. В Советах женщины должны быть представлены очень широко. Тогда парламент будет стабильным, спокойным. От женщины всегда исходит доброта. И остальная часть мужиков будет хорошо работать.²

В те же дни главная газета страны «Советская Белоруссия» писала о конкурсе красоты: «Да, бывают различные конкурсы, которые больше напоминают соревнования в толщине кошельков спонсоров претенденток на корону. Но Александр Лукашенко настоял на том, чтобы была создана такая система, при которой все желающие показать себя девушки имели равные шансы на победу»³.

Так, оба мероприятия оказались связанными общим намерением поддержки женщин, которую брался обеспечить Президент страны: как тем, кто претендовал на место в парламенте, так и тем, кто мечтал о короне первой красавицы. К реальной практике эти высказывания имели мало отношения, о чем свидетельствуют приведенные ниже отрывки из интервью с женщинами–кандидатами в депутаты. Но именно они, эти заявления, концептуально объединили два события и тексты о них. Одинаковое распределение внимания главы государства способствовало тому, что оба события уравнивались в статусе. А обещание «защиты» со стороны Президента в неявной форме несло в себе установку на отношение к женщине как к слабой, нуждающейся в такой защите. Президент собирался

2 Послание Президента Беларуси Александра Лукашенко Парламенту. 14 апреля 2004. <http://president.gov.by/press.29160.html>

3 *Советская Белоруссия*. 17 июля 2004.

защищать потенциальных кандидаток и конкурсанток не в качестве гаранта Конституции, обеспечивающего соблюдение равных прав всех граждан, но именно как сильный мужчина защищает(?) слабых женщин.

О возможности такой интерпретации свидетельствует общенациональный опрос, проведенный в 2002 году по заказу проекта «Женское лидерство» Программы Развития ООН в Беларуси, показал, что 61,1% мужчин в стране полагает, что женщин в парламенте «вполне достаточно» (в 2002 году их было 10,3%.⁴), а 4,7% считают, что их даже «больше, чем нужно». При этом 32% мужчин объясняют такое количество женщин в парламенте тем, что «предназначение женщин в другом»⁵. Резюмируя полученные данные, автор отчета пишет: «Таким образом, выражая мнение о том, что у мужчин больше прав и возможностей в сфере политики, большая часть этой социальной группы расценивает данную ситуацию как нормальную, не видя необходимости расширять представительство женщин в высшем законодательном органе».⁶

Что касается законодательного контекста, то он заключается в отсутствии в стране специальной законодательной базы (квот), которая бы позволила провести в парламент женщин в количестве, заявленном главой государства. В то время как опыт других стран показывает, что без такой поддержки невозможно повлиять на поведение электората и добиться значительного увеличения количества женщин в высшем законодательном органе страны. В этой связи может возникнуть два вопроса: зачем власти понадобилось иметь в парламенте так много женщин, и каким образом ей удалось провести их туда в нужном количестве без введения квот.

Ответ на первый вопрос кажется очевидным, поскольку содержится в самом Послании. Он отсылает к актуальным политическим проблемам страны: при всей лояльности к власти, предыдущий парламентский созыв был все-таки недостаточно спокойным и предсказуемым. Некоторые депутаты-мужчины позволяли себе не соглашаться с

4 Беларусь 2003. Альтернативный отчет Республики Беларусь по выполнению Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. С. 8

5 К гендерно сбалансированному обществу: аналитический отчет о положении женщин в Республике Беларусь / Под ред. С. А. Наумовой. Мн., 2004. С. 64.

6 Там же.

решениями власти и однажды даже объявили голодовку. В то время как одна из малочисленных в то время депутаток Надежда Цыркун в интервью негосударственной «Белорусской газете», высказывая свое мнение о Президенте, говорила: «Мы ощущаем силу энергии Лукашенко даже во время просмотра его выступлений по ТВ. А уж когда он в парламент приходит, все делается меньше ростом, коленки сгибаются даже у противников. Кроме того, с годами Лукашенко полностью овладел материалом, увеличилась степень его эрудированности».⁷ Это интервью было, вероятно, самым восторженным и хвалебным публичным текстом из всех, которые к тому времени прозвучали в адрес Президента. Таким образом, критерием для вхождения в парламент женщин-депутатов явилась их лояльность и готовность подчиняться.

Итак, социальный заказ власти был достаточно очевиден. В парламенте она желала видеть только тех женщин, которые, если и не демонстрировали публично абсолютную лояльность, то были убеждены в том, что женщинам от природы присущи такие качества как покладистость и зависимость. Но кроме того, они должны были испытывать чувство *личной* признательности и благодарности к тому, кто помог им подняться по социальной лестнице и без чьей помощи они этого никогда бы не сделали (в силу социальных настроений и отсутствия законодательных механизмов).

Ответ на второй вопрос, каким образом власти удалось провести в парламент нужное количество женщин, не столь прозрачен, как на первый вопрос, и требует отдельного изучения. В рамках данного текста я могу лишь обозначить некоторые аспекты. Так, успех мог быть обеспечен включением мощного административного ресурса. Женщинам, выдвижение которых санкционировала власть, была обеспечена всевозможная и полная поддержка в организации и проведении предвыборной кампании. Одна из нынешних депутаток так объясняла причины своего успеха: «Со мной на участке были два кандидата-мужика. Так они ведь абсолютно не работали. Не приходили на встречи с избирателями. А меня машина с одной встречи сразу же перевозила на другую, где уже ждали люди»⁸. Оценить по достоинству это высказывание

⁷ *Белорусская газета*. 26 июня 2004.

⁸ Из интервью, взятых автором этого текста.

можно, только сравнив его с другим свидетельством – словами женщины-независимого кандидата: «Меня поразило то, насколько запуганы люди в селах. Люди не приходят на встречи, говорят, что ходил бригадир и говорил: «Только пойдите! Коня не дам, картошку не посадите»⁹.

Еще одним условием победы такого количества женщин многие называют прямую подтасовку результатов голосования. Однако документальных свидетельств этого у меня нет. Можно лишь еще раз сослаться на мировой опыт, о котором речь шла выше, в качестве косвенного свидетельства того, что в случае Беларуси электорат повел себя нетипично.

Полагаю, что существовала и третья причина увеличения количества женщин в парламенте почти в три раза. Она непосредственно связана с темой данного текста. Образовавшееся парламентско-конкурсное концептуальное единство актуализировало вполне определенные значения, «знание», установки в отношении женщин, еще раз «напомнив» избирателям, какими качествами должны обладать «настоящие», «достойные» женщины. А активное включение государственных масс-медиа в производство текстов, связанных с этими событиями, обеспечило влияние на огромную аудиторию.

В официальных газетах – «Советской Белоруссии», «Республике» и «Звезде» – преобладали тексты о конкурсе красоты. Собственно говоря, за два самых «горячих» месяца, сентябрь и октябрь 2004 года, в этих газетах не было опубликовано ни одного журналистского материала, в котором делалась хотя бы попытка стимулировать электорат голосовать за женщин. На фоне такого молчания исключение составил лишь небольшой текст в «Звезде». Под заголовком «Уступите жанчине» в ней было опубликовано письмо мужчины из Шкловского района, который закончил его таким пожеланием: «Было бы очень хорошо, если бы в новом парламенте женщин было не 14%, а 30–35%. Мужчины, уступите женщинам!»¹⁰

В контексте обсуждения вопроса, что же все-таки оценивает жюри, – физические или интеллектуальные данные девушек? – актуализируется значение «сексуальности» как важной составляющей концептуального парламентско-

9 Там же.

10 Звезда. 7 октября 2004. Здесь и далее перевод Натальи Кулинки.

конкурсного единства. «Сначала, конечно, жюри обращало внимание на внешность. Затем начали задавать вопросы, чтобы определить, чем дышит человек: семья, увлечения, мечты, планы на будущее», – пишет газета «Звезда».¹¹ Чаще всего это значение неявно, как, например, в интервью, которое дал той же газете один из ведущих шоуменов страны и член жюри конкурса: «Лично я считаю: чем больше разных женщин, тем больше стимулов у мужчин продвигаться по служебной лестнице, зарабатывать деньги, покупать машину, стильно одеваться. Не секрет – именно женщина является стимулом для сильной половины человечества, энергетической силой для движения дальше...»¹² Однако все тексты об отборочных турах и финале конкурса сопровождали фотографии девушек, часто в открытых купальниках.

Однако неверно утверждать, что только значения, созданные СМИ, поместили конкурсанток в нишу «сексуального объекта». Скорее, масс-медийные тексты легитимировали такое понимание «женского», дали возможность говорить об этом «официально»¹³ и в принципе стимулировали обсуждение «женского» как сексуального тела. В этой связи приведу анекдотическое свидетельство. Уже после определения первой красавицы страны, по делам, не связанным с Конкурсом, я позвонила на один из государственных телеканалов. Пока нужная мне сотрудница подходила к телефону, я была вынуждена слушать разговор других девушек. Обсуждали завершившийся накануне конкурс: «красивую мисс выбрали вчера. И грудь у нее как надо – большого размера. Не то, что у прежней была».

Помимо представления конкурсанток, газеты активно печатали экспертные мнения организаторов и членов жюри конкурса. Те не скупились на слова, убеждая читателей в важности, даже эпохальности данного события для

---

11 Во время проведения соответствующего тура конкурса категория интеллектуального трактовалась членами жюри весьма гендерно. Практически все вопросы, которые были заданы конкурсанткам, касались семьи, детей, личностных взаимоотношений. Один из вопросов, например, звучал так: «Что для Вас Ваш дом - Ваша крепость или что-то еще?».

12 Звезда. 7 октября 2004.

13 Телевизионный ведущий конкурса так комментировал в прямом эфире дефиле в купальниках, которые, кстати, были открытыми: «Купальные костюмы специально сделаны максимально лаконичными, без лишних деталей, чтобы ничего не мешало показать девушкам себя. А показать им есть что».

страны. «Это так прекрасно, когда красота возведена в ранг государственной политики», – говорил в интервью «Советской Белоруссии» директор Национального театра имени Янки Купалы.¹⁴ «Выбор первой красавицы страны – дело серьезное, – писала «Советская Белоруссия». – Обладательница этого титула будет представлять Беларусь на международных конкурсах. Ближайший из них – в декабре в Китае. И эта миссия – уже дело государственной важности»¹⁵.

После того как первая красавица была определена, страницы газет заполнились интервью с ней. Журналисты выясняли, как она относится к деньгам, о чем мечтает. И главное, не феминистка ли она. Этот вопрос журналист «Советской Белоруссии» задал в связке с другим – «Часто споришь с мужчинами?», который, по-видимому, должен был раскрывать смысл первого.¹⁶ Из ответов на эти и другие вопросы сложился образ «идеальной» белоруски. Она не спорит с мужчинами, считает, что они изначально стоят выше женщин, потому что думают о судьбах человечества, уверена, что только мужчина может сделать женщину счастливой, мечтает о двух детях и трех собаках, не зациклена на работе и карьере.

Тема «женщины и парламент» возникла на этом фоне неожиданно. Журналист «Советской Белоруссии» в заключительном материале, посвященном Конкурсу красоты, сделал предположение о возможном будущем финалисток конкурса: «Кто знает, может, и нынешние конкурсантки по прошествии лет займут видное место во власти. Ведь блещут они не только ослепительной красотой, но и живостью ума».¹⁷ Видимо, для того чтобы будущим дамам-депутатам было в чем ходить на заседания парламента, Президент страны подарил девушкам вечерние туалеты, в которых они предстали перед членами жюри на последнем туре.

Одновременно с текстовой разворачивалась и реальная парламентская кампания, в которую было вовлечено значительное количество людей. Местные власти подбирали женщин, которых можно было бы выдвинуть в качестве

---

14 Советская Белоруссия. 25 сентября 2004.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же.

кандидаток, и иногда сетовали на отсутствие подходящих кандидатур. Общественные организации проводили учебу для всех потенциальных кандидаток: правда, приходили на эти семинары только те, кто выдвинулся от политических партий либо зарегистрировался независимым кандидатом путем сбора подписей. Дискуссии о парламентских выборах, представленные на страницах официальных газет лишь как значимое отсутствие, обнаружили себя в другом пространстве – частном пространстве интервью. Эти интервью были собраны мной во время поездок по стране в период предвыборной кампании:

– Я работала в гимназии одного из областных городов, заменяя учительницу, ушедшую в декретный отпуск. После того, как я выдвинула свою кандидатуру, мне сказали, что эта учительница выходит из декретного отпуска раньше срока, поэтому я должна освободить место. Я ушла. А моя коллега вышла из декрета на две недели и уволилась по собственному желанию. Мне вернуться на это место не предложили, так же, как не предложили и другой работы, хотя места были. Уволив меня с работы, мне сказали, что и комнату в общежитии я должна освободить. Тогда я пошла к руководителю организации, которой принадлежало общежитие, и сказала, что связываю все эти действия со своим участием в избирательной кампании. После этого разговора мне разрешили не выселяться, но только до 1 ноября (2004 г.). Что будет потом, я не знаю. У меня нет работы, и может не быть жилья. (Интервью №1)

– Я работаю врачом в одной из больниц. Выдвинула свою кандидатуру через сбор подписей. После этого меня вызвал главврач. Мне угрожали испортить карьеру, уволить. Я ответила, что в таком случае, буду работать где-то в другом месте, начну другую карьеру. Увидев мою решимость, меня оставили в покое. (Интервью №2)

– Даже тех людей, которые работали у меня наемными рабочими полтора года назад, проверяла налоговая инспекция. По несколько раз приходили к ним домой, просили написать заявления. Потом начали проверять мое рабочее место. Проверяли мои счета на оплату сотового телефона, кварт-

плату. И все это после того, как я сдала документы на регистрацию в качестве кандидата. (Интервью №3)

– Давили на сына. Он занимался предпринимательской деятельностью, но полтора года назад закрыл бизнес. И вдруг приходит письмо из налоговой инспекции – явиться с документами для проверки. (Интервью №4)

Ни одна из этих женщин в парламент не прошла, так же, как туда не прошли и остальные 12 женщин, которых я интервьюировала.

Выборы в парламент состоялись через месяц после финала Конкурса красоты. По их итогам 29% депутатов белорусского парламента стали составлять женщины. За время существования парламента этого созыва в Беларуси так и не были приняты законы о гендерном равенстве и домашнем насилии, хотя их проекты были подготовлены уже депутатами предыдущего созыва.¹⁸

Голос депутатов, которые находятся практически на самой вершине социальной пирамиды, остается неслышим. Причину этого можно искать в особенностях устройства и функционирования политической системы современной Беларуси. Но очевидно, что это не исчерпывает вопрос. Ведь помимо политических проблем, связанных с самой (не) возможностью смены власти, что очень строго контролируются лично главой государства, существует, например, и проблема борьбы с трафиком женщин. В стране она абсолютно легитимна и не чревата политическими репрессиями. Но голоса депутатов не слышно и здесь. Иначе строчка об организации конкурсов красоты вряд ли появилась бы в государственном документе, регламентирующем меры по защите женщин от секс-торговли. Вероятно, причина молчания депутатов в другом: она может быть связана с отсутствием у них «собственного» голоса.

Силой значений, актуализированных единством парламентско-конкурсных текстов, женщины были помещены в пространство «слабости», «сексуальности» и мифа о красоте.

---

18 По словам женщины-депутата предыдущего созыва, разработавшей проект закона о домашнем насилии, когда она предложила обсудить его, депутаты-мужчины в кулуарах посмеивались: «Это что же, после принятия такого закона мы и с женами своими спать не сможем?!»

По поводу последнего, Наоми Вулф в книге «Миф о красоте» замечает: «Качества, которые в определенный период считаются в женщине 'прекрасными', всего лишь символы женского поведения, которое в этот период является желательным: миф о красоте на самом деле предписывает поведение, а не внешность».¹⁹ Косвенным подтверждением этому может быть и тот вопрос о принадлежности к феминизму и спорах с мужчинами, который журналист «Советской Белоруссии» задал победительнице конкурса красоты. Символический статус «сексуального объекта» и «красавицы» не только лишает силы и самостоятельности голоса тех, кто находится в этом статусе. Он также ограничивает возможности для интерпретации сказанного женщинами только теми значениями, которые связаны с данным социальным статусом. Одновременно с этим, те женщины, чье поведение не соответствовало актуализированным значениям, были маргинализированы. Их невопианность в нормативную женственность могла стать одной из причин того, что избиратели отдавали свои голоса другим кандидаткам, тем, которые в нее вписывались. Таким образом были созданы условия, при которых женщины могли войти в «большую политику» только так, чтобы сказанное *за них* естественно воспринималось ими как выражение собственного мнения.

Наоми Вулф в процитированной выше книге, размышляя о причинах постоянно возрождающихся социальных мифов, связывающих ценность женщины с чем-то, находящимся вне ее, с некоторой долей удивления замечает: «Социальные легенды о естественном предназначении женщин, поглощавшие ум и время, были разоблачены, однако приспособились к новой обстановке...»²⁰ Однако подобные метаморфозы не будут казаться странными, если посмотреть на актуализированное значение «женского» как обусловленное взглядом доминирующей маскулинности. Тогда становится очевидным, что в заданных этой маскулинностью рамках это значение может развертываться только в понятиях и модальностях данной позиции «смотрения». Поэтому ответ на вопрос, заданный Вулф, «Чувствуют ли женщины себя свободными?..», может быть только отрицательным.

19 Вулф, Н. Миф о красоте // *Основы гендерных исследований*. М., 2001. С. 264.

20 Там же. С. 265.

Именно поэтому в названии данного текста появился знак вопроса. При всей кажущейся противоположности таких событий, как Конкурс красоты и парламентские выборы, тексты и их единство, порожденные этими событиями, в действительности, есть результат одной и той же позиции «смотрения». И предвыборные обещания кандидаток в депутаты, что, в случае победы, они проявят материнскую и хозяйскую заботу об «униженных и оскорбленных», «сирых и убогих», возьмут на себя ответственность за воспитание подрастающего поколения и возрождение морали общества, подтверждают это. В рамках существующего концептуального механизма, актуализирующего одни и скрывающего другие значения понятия «женщина», у реальных женщин отсутствует возможность определять себя по-другому.

Национальный конкурс красоты проводится Министерством культуры, Министерством образования, Белтелерадиокомпанией, Белорусским республиканским союзом молодежи, при содействии специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи, с целью эстетического и духовного воспитания молодого поколения, содействия гармоничному развитию личности, совершенствования культуры национального костюма, популяризации белорусской моды на международном уровне.

ЗА СЧАСТЛИВУЮ БЕЛАРУСЬ!

- возраст - от 18 до 24 лет включительно на дату проведения областного (Минского городского) отборочных туров;
- рост - от 175 см;
- никогда не состоявшие в браке;
- не имеющие детей;
- граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие на ее территории, независимо от места учебы, работы.

Комикс Марины Напрушкиной. В комиксе использованы данные Альтернативного отчета по выполнению Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

МНЕНИЕ

Рубрика «Мнение» предполагает собой площадку для выражения «неконвенциональных» мыслей. Как часто поиск адекватного выражения наших мыслей по какому-то поводу натывается на разного рода ограничения о том, как, когда и кому следует выражать собственное мнение? Ведь это просто вопрос соблюдения жанровой специфики или академической традиции в той или иной дисциплине, это – вопрос возможности громогласного выражения того, о чем говорить не принято. Мы хотим создать пространство, легитимизирующее значимость своего мнения как такового, где есть место для «иного», часто основанного на личном опыте или практиках повседневности.

ТРЕБУЕТСЯ СЕКРЕТАРЬ С БОЛЬШИМИ ГЛАЗАМИ, ИЛИ ДИСКРИМИНАЦИЯ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Анна
Жинь

56 Жинь
Требуется секретарь...

В прошлом году на интернет сайте *www.funnyordie.com* появилась пародийная реклама - *Forehead Tittaes*,¹ главную роль в которой исполнила французская актриса Марион Котийяр. В ролике француженка даёт совет американкам, как им заставить коллег-мужчин уважать их и смотреть им в глаза, а не на их грудь. Секрет, давно известный французским женщинам и не подавляющий вашу женственность, прост – нужно закрепить на лоб небольшую пластиковую грудь – *Forehead Tittaes* (дословный перевод - налобная грудь). Создатели ролика полагают, что благодаря этому инновационному изобретению мужчины будут смотреть вам *почти* прямо в глаза. Слово *почти* в ролике выделено, потому что всё-таки смотреть мужчины будут не прямо вам в глаза, а на всю ту же грудь, хоть и пластиковую. В данном случае рекламируемый продукт можно воспринимать и как напоминание о недопустимости сексуальных домогательств и дискриминации по признаку пола

1 <http://www.funnyordie.com/videos/5a52180b80/forehead-tittaes-w-marion-cotillard>

на рабочем месте и о существующей законодательной базе, которая позволяет женщинам отстаивать свои права и защитить свою честь и достоинство. А ведь именно существование и эффективное применение закона позволяет облекать такие напоминания в столь ироничную форму. Однако само наличие закона не является гарантией того, что женщины не столкнутся с сексуальными домогательствами на работе, поэтому и существует необходимость в выпуске таких роликов для привлечения внимания к проблеме, решение которой уже существует, но нужно повышать эффективность его использования.

Forehead Tits – это вымышленный продукт. На самом деле, – это часть кампании, направленной на изменение восприятия женщин исключительно как сексуального объекта, особенно на рабочем месте. Такие социальные компании привлекают внимание к различным аспектам неравенства женщин, ведь уничтожение этого неравенства – одна из целей развитого общественного сознания. «Давайте же смотреть друг другу в глаза. И в этом вам поможет накладная грудь на лоб, которая безопасна, легко накладывается и подходит для многократного использования,» - утверждает реклама.

Ролик про *Forehead Tits* ироничен, но затрагивает очень серьезную проблему, которой в бывшем СССР нужно особое внимание, так как сексуальные домогательства к женщинам на рабочем месте происходят сплошь и рядом, однако редко или почти никогда не пресекаются там на правовом уровне.

Эта реклама также напомнила мне известное в наших широтах выражение про красивые и/или большие глаза. «У тебя такие красивые глаза», звучит вроде бы как комплимент. Но стоит к этой реплике добавить неоднозначную улыбку, взгляд или жесты, как она приобретает совершенно другой оттенок. Но приемлемы ли такие шутки? На взгляд правозащитных организаций мира – нет, не приемлемы.

Например, в Канаде, в провинции Онтарио, в которой я на данный момент проживаю, в международный женский день в 2010 году была принята обновлённая версия закона о «Мерах по предотвращению сексуальных домогательств по признаку пола»². То есть подобный закон уже существовал, просто его усовершенствовали. А официальное определение сексуальных домогательств, закреплённое законодательно, впервые появи-

2 <http://www.ohrc.on.ca/en/resources/news/sexgenhar>

лось в США уже в конце 60-х годов двадцатого века³.

Я не могла не отметить дату принятия изменений в онтарийском законе – Восьмое марта. В бывшем СССР – это международный *женский* день, а во многих странах Европы – это День борьбы за права женщин. А с чем ассоциируется этот праздник в нашей стране? Мечущиеся по городу с тортами, конфетами и цветами, довольные собственной галантностью мужчины. Дома мужья и сыновья готовят и убирают (хоть раз в год, но умеют, значит?). А сути праздника в этой картине мира нет. Когда в Беларуси женщины получали в последний раз что-либо, кроме конфет и шампанского, к празднику Восьмого марта? Когда озвучиваются сложности, связанные с социальной, правовой или трудовой сферой? И, кажется, сами женщины позабыли о том, что у них есть права. Ведь так приятно получить цветы, не отказываясь же, тем более в некоторых случаях цветы «милые дамы» видят дважды в год: день рожденья и восьмое марта. Показательно, что на русскоязычный запрос «восьмое марта» в поисковой системе *google* я получила сайты с тостами и открытками, а на точно такой же англоязычный – статьи по защите прав женщин, о женских проблемах и путях их решения.

Ролик, о котором шла речь в начале этой статьи, говорит о недопустимых взглядах во время рабочего процесса, когда женщины воспринимаются не как профессионалы на своём рабочем месте, а как сексуальные объекты. Такое поведение подпадает под определение харассмент или домогательство, если использовать русский термин. Подвергнуться домогательствам могут как женщины, так и мужчины. Поэтому сейчас понятие охватывает не только сексуальный аспект, но и домогательства по другим признакам, таким, как сексуальной ориентации, расы, семейного положения, возраста и пр. При этом чаще всего жертвами такого поведения становятся всё-таки женщины, и в этой статье я касаюсь только этого аспекта проблемы.

В Европейском Союзе, как и в Северной Америке, харассмент также является противозаконным. Комиссия ЕС по правам человека даёт ему следующее определение: это нежелательные действия сексуального характера либо другие действия, основанные на половой принадлежности, затрагиваю-

3 <http://employment.uslegal.com/sexual-harassment/history/>

щие достоинство женщин и мужчин на рабочем месте.⁴

В каждой стране разрабатывался свой собственный закон против сексуальных домогательств на рабочем месте, а также в учебных заведениях и пр. При этом, все примеры такого поведения сводятся к трём категориям: физические, вербальные и невербальные действия – все их можно найти в любом из законов. Я перечислю некоторые примеры, проанализированные в книге «Харассмент: гид к пониманию и предотвращению».⁵

Вербальными сексуальными домогательствами можно считать следующие действия: постоянные обидные шутки и комментарии сексуального характера по поводу фигуры, веса, частей тела, сексуальных привычек; непрекращающиеся разговоры сексуального содержания, шушуканье за спиной или передразнивание сексуального характера походки, манеры разговаривать, сидеть и т.д. А также советы типа «тебе бы не повредило мужское внимание» или «тебе явно не хватает нежной женской заботы», унижительные или покровительственные прозвища, вульгарный юмор или язык, сексистские замечания, спекуляция и унижающие высказывания на тему девственности, телефонные звонки с сексуальными интонациями, оскорбления⁶. Не стоит забывать, что подобного рода поведение может исходить не только от мужчин по отношению к женщинам (или женщин по отношению к мужчинам), но и среди представителей своего же пола – что травмирует не в меньшей степени.

Домогательствами считаются протекционизм начальника или начальницы в обмен на сексуальную благосклонность, а также лишение премии, увольнение или создание невыносимой обстановки в случае отказа, повторяющиеся нежелательные приглашения поужинать, сходить в кино или выпить вместе, упорные предложения интимного характера от тонких намеков до прямых просьб о свидании или интимной близости, требование одеваться более сексуально, откровенно или женственно либо комментарии и рекомендации по поводу рабочей одежды, выреза, пуговиц и т.д.

Невербальные сексуальные домогательства – это в первую

4 <http://www1.umn.edu/humanrts/svaw/harassment/explore/1whatis.htm>

5 Arjun P. Aggarwal. *Sexual Harassment: A Guide for Understanding and Prevention*. Butterworths Group, Canada, 1992

6 Указ. соч. С. 23.

очередь действия, совершаемые различными частями тела, головой, пальцами, визуальные демонстрации нежелательного содержания, такие, как настойчивый и нежелательный флирт, строить глазки, неотрывно смотреть, поглядывать с ухмылкой, облизывать губы или зубы, провокационная манера есть или держать еду, жесты, имитирующие половой акт, демонстрация порнографии, фотографий, видео, плакатов сексуального характера, письма нежелательного содержания, «случайные» демонстрации интимных частей тела⁷.

Физические сексуальные домогательства предполагают угрозу нежелательного физического контакта либо непосредственно сам контакт. Это нежелательные прикосновения, объятия, хватания, зажимания, вторжение в личное пространство, блокировка свободного прохода, попытки поцеловать или погладить, нападение, принуждение к половому акту, попытка или само изнасилование⁸.

Подобного рода действия создают невыносимые условия на рабочем месте. Несмотря на то, что жертвой может стать любой сотрудник, чаще всего страдают подчинённые. Это – проявление власти и психологического давления на другого человека, т.к. сексуальные домогательства являются проблемой не пола как такового, а власти.

Министерство труда канадской провинции Онтарио составило специальный акт, по которому работодатели обязаны разработать установки в отношении насилия и сексуальных домогательств на рабочем месте, развивать и поддерживать программы по осуществлению данной концепции, а также предоставлять работникам информацию и обучающие программы.⁹ И это работает. Перед тем, как я начала работать в офисе, мне показали фильм, в котором подробно рассказывалось о моих правах и обязанностях, в том числе там говорилось и о сексуальных домогательствах. Более того, в моём рабочем контракте также есть положения, касающиеся домогательств. Я также могу спуститься в библиотеку в нашем офисе и найти всю необходимую информацию, и у нас есть специальный комитет по борьбе с харассментом, куда могут обращаться все члены нашего профсоюза. И если складывается подобная си-

7 Указ. соч. С. 24-25.

8 Указ. соч. С. 25.

9 http://www.labour.gov.on.ca/english/hs/sawo/pubs/fs_workplaceviolence.php

туация, люди обращаются за правовой и психологической помощью. За два месяца до того, как я пришла в компанию, как мне рассказали, для сотрудников был организован семинар, посвященный этой проблеме, и недавно у нас состоялась провинциальная конференция, которая называлась «Харассмент: всё ещё не смешно».

У меня также есть и небольшой американский опыт, когда я была еще студенткой и ездила в Нью-Йорк по программе *Work and Travel*. Во время ориентационной сессии в Музее естественной истории группе новых сотрудников, включая и меня, показывали фильм и давали брошюры о харассменте, где не только описывалось, что это такое, но также можно было найти контактную информацию служб юридической и психологической поддержки. Насколько я знаю, подобная процедура обязательна в Северной Америке. И как раз в Соединённых Штатах у меня было два происшествия, связанных с обсуждаемой проблемой. Я нравилась моему супервайзеру, и он то и дело приглашал меня то в кино, то пройтись после работы. Ни о какой взаимности речь не шла. Я вежливо отказывалась, ссылаясь то на одно, то на другое. А однажды совершенно без задней мысли, так как в то время я не осознавала, насколько серьёзно к этому относятся в США, пошутила на тему о харассменте. Больше меня не тревожили, чему я была невероятно рада, потому что меня это тяготило и мешало работать. Кстати, и с моим третьим размером груди со мной постоянно пытаются разговаривать, глядя мне в вырез, что сложно назвать приятным, тем более что глаза у меня находятся там же, где они находятся у всех людей на планете.

Мне жаль, что эта тема публично почти не обсуждается в нашей стране. Даже если женщины чувствуют себя оскорблёнными на рабочем месте, испытывают нежелательное внимание сексуального характера, терпят физическое насилие или притесняются как-то еще, часто они интернализируют проблему и считают случившееся своей виной.

Итак, представим, что я ищу работу в Беларуси. Просматривая объявления, можно в соответствующей графе увидеть требования, начиная от возраста, пола, семейного положения, просьбы выслать фотографию и порой до цвета волос и роста соискателя, точнее соискательницы. И таких объявлений сотни. Приведу лишь несколько примеров выражений из графы

требования, где часто этот пункт был первым, а значит, достаточно важным с точки зрения работодателя. Они взяты при беглом просмотре первых страниц вакансий на популярном белорусском портале *tut.by*, с сохранением орфографии и пунктуации¹⁰:

Девушка в возрасте 19-23 года модельной внешности: рост 174-180 см, блондинка (на должность секретаря);

Привлекательная женщина с высшим образованием до 35-ти лет, предпочтительнее не замужем (на должность помощника директора в консалтинговой компании);

Резюме без фотографий не будут рассматриваться (на различные позиции);

Приятная внешность, девушка до 25 лет (на должность администратора автопромсервиса);

Возраст: от 23 до 30, привлекательная внешность, Просьба, резюме высылать с ФОТО! (на должность секретаря-референта);

Приглашаем грамотную самостоятельную девушку, Возраст 28-40 лет (на должность помощника руководителя);

ДЕВУШКА возраст 25-30 лет ! Ждем Ваших резюме с ФОТО ! (на должность офис-менеджера импортера медицинского оборудования).

Сразу хочется не резюме с фото отправить, а письмо в ООН в комиссию по правам человека и против дискриминации на рабочем месте. И все вышеперечисленные примеры являются прямым основанием для подачи иска в суд о дискриминации по половому признаку. Ни возраст, ни фигура, ни цвет волос, ни семейное положение, ни степень привлекательности не могут стоять в графе в требованиях при приёме на работу. И тем более это не кастинг актёров, чтобы высылать свои фотографии, если вы собираетесь работать бухгалтером или секретарём. Совершенным абсурдом было бы встретить, например, такое объявление: «на должность завхоза требуется

10 <http://jobs.tut.by> (последнее посещение 3 ноября 2011 г.)

молодой неженатый мужчина без в/п, до 28-ми лет, с карими глазами, спортивной фигурой и приятной улыбкой, резюме без фото не рассматриваются». В это же время женщина, не всегда имеющая равный доступ к должностям и равной оплате труда, ещё и является объектом нежелательного сексуального внимания на рабочем месте, а работодатели чувствуют себя вправе подбирать сотрудников, как товар в магазине. И, к сожалению, у наших женщин нет такого оружия в руках, как закон. Возможно, в таком случае, нам всем стоит носить пластиковую грудь на лбу. Ради шутки, но которая, как часто бывает в случае с юмором, заставляет задуматься о том, что что-то происходит неправильно в обществе. Надеюсь, Марийон Котийар удастся напомнить не только мужчинам, но и женщинам, где находятся их глаза. Я, например, знаю, где находятся мои глаза и готова говорить об этом.

«Голоса» - это рубрика, где у авторов есть возможность высказать свою, не столько научную, сколько гражданскую точку зрения. Конечно, теоретическая позиция (это особенно значимо для феминистской критики) может быть и часто является гражданским актом. Тем не менее, форма «Голосов» задумана так, чтобы она позволяла раскрыться авторам не (с)только как теоретикам, но и как личностям - творческим, ярким, чувствующим, бунтующим, созидующим. Этот раздел будет рассказывать о личных позициях и личных проектах, используя не-академические форматы, такие как интервью, арт-проекты, стихи и т.д.

10 марта 2011 г. ушла из жизни белорусский политолог, специалист в сфере гражданского образования, участница гражданской кампании «Говори правду» Светлана Андреевна Наумова. Многие из нас помнят ее по совместной работе в Европейском Гуманитарном университете (ЕГУ) в Минске и Вильнюсе, по ее университетским курсам, и по той доброжелательной атмосфере, которая была вокруг Светланы Андреевны. Ниже – одно из ее последних интервью и высказывания ее коллег, которыми мы хотим почтить память об этом замечательном человеке.

Евгения Иванова и Александр Першиай

О СВЕТЛАНЕ НАУМОВОЙ

Навіну пра заўчасны сыход з жыцця Святланы Андрэеўны Навумавай успрыняў з вялікім жалем і шкадаваньнем. Ведаю, што ў гэтай інтэлектуальнай і неабыкавай жанчыны было мноства плянаў на будучыню, звязаных як з дзейнасцю грамадзянскай кампаніі «Гавары праўду», так і з далейшым развіццём ЭГУ. Мне асабіста будзе вельмі бракаваць дакладных і цвярозых ацэнак бягучай сацыяльна-палітычнай рэчаіснасці, якія даступна і з гумарам фармулявала Святлана Андрэеўна. Я ўдзячны за лекцыі, якія яна чытала для магістрантаў праграмы «Дэмакратыя і грамадзянская супольнасць» ЭГУ. Вечная памяць.

*Мікола Бянько,
магістар палітычных навук, незалежны журналіст*

Человек уходит, чаще всего уходит внезапно и неожиданно. Сидишь, сжимаешь трубку телефона со всей силы и... не веришь. Светлана Андреевна Наумова, одна из основоположников белорусской политологии, была не только блестящим ученым и пытливым исследователем, но и талантливым экспертом и аналитиком. Она болела политологией, как могут болеть любимым делом только очень сильные и яркие личности. Она увлекала своим политологическим азартом любого, кто пожелает хоть чуть-чуть узнать о такой непопулярной, в общем-то – науке, и мы все узнавали нечто совершенно новое и до этого непонятное. А еще ее очень не хватает как Человека. Не ученого, не теоретика, без которого наука остановится. Не продвигенца великих идей. С ней так легко было о чем-то просто поговорить.

*Ольга Карáč,
белорусский политический активист и журналист,
магистрантка программы «Публичная Политика»
Европейского Гуманитарного университета*

Во время одной из консультаций я пожаловалась Светлане Андреевне на то, что не нахожу смысла в собственных научных поисках, ведь столько всего уже написано, придумано - зачем писать, если ничего нового открыть всё равно не получится? Светлана Андреевна спокойно и основательно возразила мне, сказав, что «главные перемены, происходят, не “на бумаге”, не где-то “вне”, а внутри Вас. До того, как Вы написали работу, Вы были одним человеком, а после – Вы уже другая...» И я успокоилась. Написала работу. Изменилась. И начала по-другому относиться ко многим вещам, которые мне казались сложными и непосильными. Я благодарна Светлане Андреевне за это з вдохновение. За ее терпение, с которым она относилась ко всем нам – группе магистрантов-политологов ЕГУ. Она могла рассмотреть потенциал в каждом своем студенте и дать ему шанс измениться к лучшему.

*Мария Савушкина,
журналист, магистр политологии*

Добрая, мудрая, хрупкая, но очень сильная женщина. Бесконечно терпеливый, тактичный, преподаватель, который мог говорить просто о сложном и перед которым было стыдно что-то не делать. Преподаватель требовательный, но всегда входящий в положение. Профессиональный политолог. Заботливая и любящая мама. Очень отзывчивый, внимательный, интеллигентный, чуткий человек с прекрасным чувством юмора. Добрый и верный друг... Все это Светлана Андреевна. Мне выпало большое счастье дважды быть ее студенткой, и позже - ее коллегой. Не было ни одного человека, который бы не уважал ее мнения, не прислушивался к нему. Обладая огромным опытом и глубокими знаниями, Светлана Андреевна всегда находила такие слова, что, будь то студент, коллега или просто случайный собеседник, человек всегда чувствовал себя на равных. Спасибо Вам, Светлана Андреевна, за все! Низкий поклон! И светлая память...

*Людмила Бертои,
магистр политических наук,
сотрудник Белорусского института стратегических
исследований (BISS)*

Политологическое сообщество современной Беларуси - очень небольшое. Особенно остро это ощущаешь, когда случаются утраты. В этом году мы потеряли очень важного человека, профессионала, преподавательницу, активную участницу политических и гражданских кампаний – Светлану Андреевну Наумову. Светлана Андреевна была человеком, который не просто учил основам знания о политике, но на примере своей деятельности демонстрировала возможности применения того, о чем рассказывала на лекциях, семинарах в частных беседах. Выразить словами эмоциональную боль этой утраты – невозможно, но очень важно сохранить память о Светлане Андреевне, которая осталась в ее книгах, статьях и интервью.

*Татьяна Чулицкая,
преподаватель департамента
социально-политических наук ЕГУ,
докторант Литовского центра социальных исследований*

Новым прэзідэнтам павінен стаць чалавек з сучасным мысленнем XXI стагоддзя, лічыць палітолаг Святлана Навумава. Па яе словах, зрабіць Беларусь сучаснай – гэта і ёсць сёння наша нацыянальная ідэя.

Еўрарадыё: Прэзідэнцкія выбары адбудуцца неўзабаве. Ці можна сказаць, што сёння альтэрнатыва абавязкова звязаная з нацыянальнай ідэяй? І чаму так?

Святлана Навумава: Давайце спачатку вызначымся, што мы маем на ўвазе, кажучы пра нацыянальную ідэю. Часам пад нацыянальнай ідэяй разумеюць некаторы натхняючы лозунг, які павінен павесці за сабой людзей. Па форме гэта можа быць і так, але па сутнасці, нацыянальная ідэя – гэта перш за ўсё стратэгічны выбар для краіны. І сёння Беларусь сапраўды стаіць перад такім выбарам. Гэта не проста выбар іншай персоны, не проста змена ўлады – гэта сапраўды змена арыенціраў. У гэтым сэнсе, калі сёння мы кажам пра выбарчую кампанію, мы кажам менавіта пра выбар нацыянальнай ідэі. Сёння нацыянальная ідэя заключаецца ў тым, каб зрабіць Беларусь сучаснай.

ЕР: Гэта значыць змены ў Беларусі сёння наспелі, і яны незваротныя?

СН: Вядома. Аўтарытарная праграма развіцця можа быць вельмі эфектыўнай на кароткім прамежку часу, але яна досыць

† Друкуецца павыданню: «Навумава: Лукашэнка сёе-тое зрабіў для мінулага, але ў мінулым жа і застаўся», Еўрарадыё, 7 снежня 2010, <http://old.euroradio.by/by/1421/reports/57624/?tpl=208> Інтэрв'ю падрыхтавана Настай Манцэвіч. Друкуецца з дазволу рэдакцыі Еўрарадыё. Правы захаваныя, copyright ERB © 2010.

хутка сябе вычэрпвае. Гэта можна параўнаць з тым, калі чалавек прымае анаболікі – на нейкі момант ён становіцца моцным, але потым проста разбураецца... Так і з аўтарытарным кіраваннем. Сёння Лукашэнка патрабуецца прызнанне Еўропы, і ён вымушаны так ці інакш заяўляць пра мадэрнізацыю краіны, прычым нават палітычную. Іншая справа, што пры сённяшняй сістэме ўлады гэта рэалізаваць практычна немагчыма.

Калі мы паглядзім на праграмы кандыдатаў, то яны ўсе, па сутнасці, кажуць пра адно і тое. І справа не ў тым, што бракуе крэатыву. Справа ў тым, што сёння цалкам зразумела, што трэба рабіць – старая Беларусь ужо жыць не можа. Гэта разумее і ўлада. У праграме Лукашэнкі змешчаныя зусім не ўласцівыя яму заклікі і выразы. Напрыклад, ён кажа, што на змену каманднай эканоміцы павінна прыйсці эканоміка ініцыятыў. Цяжка сабе ўявіць, што Аляксандр Рыгоравіч вымаўляе нешта падобнае! Тым не менш, ён гэта прэзентуе як сваю перадвыбарную праграму. І гэта натуральна, таму што сёння сапраўды трэба пераходзіць да новага аблічча Беларусі. Сёння беларуская нацыянальная ідэя звязаная з неабходнасцю надаць сучаснае аблічча краіне. Мы шмат у чым пакуль яшчэ аперуем паняццямі XX, а часам і XIX стагоддзя... Нацыянальная ж ідэя складаецца ў тым, каб зрабіць Беларусь сучаснай, краінай XXI стагоддзя.

ЕР: Вы кажаце, што нават у праграме Лукашэнка можна выявіць новыя рэчы, якія раней ён не казаў... Што яшчэ, акрамя «эканомікі ініцыятыў»?

СН: Аляксандр Рыгоравіч загаварыў пра грамадзянскую супольнасць, пра неабходнасць новых сацыяльных праграм. Па мове і ідэям яго праграма цалкам прымальна для сучаснага развіцця Беларусі. Іншая справа, што мы павінны разумець: гэта не праграма Лукашэнка. Ён ужо знаходзіцца ў нейкай сваёй каляіне, і выскачыць за яе ўжо не зможа. Фактычна, сёння яго праграма перакрэслівае тое, што ён рабіў усе 16 гадоў. Яе пісалі вельмі недурныя людзі, але гэта не ёсць рэальная пазіцыя часткі дзяржавы. Акрамя таго, там ёсць чыста кан'юнктурныя рэчы – такую праграму ад Лукашэнкі чакала б Еўропа. І ён яе дае. Граматны ход, але мы, у сваю чаргу, не павінны быць легкавернымі.

ЕР: Калі мы сёння глядзім выступы кандыдатаў у прэзідэнты па тэлебачанні, што гучыць больш пераканаўча – пэўная эканамічная праграма, крокі, якія павінны прадырмацца, каб лібералізаваць эканоміку, або гэта ўсё ж нейкія лозунгі, якія змогуць аб'яднаць беларусаў?

СН: Вядома, гаворка ідзе і пра эканамічныя праграмы таксама. Хоць, паўтару, самае галоўнае – гэта выбар новай сістэмы каштоўнасцяў. Сёння на павестцы дня стаіць пытанне пра тое, каб даць грамадству больш свабоды, больш самастойнасці і ініцыятывы. Сёння для рэалізацыі гэтай ідэі патрэбна палітычная свабода, якой пакуль многім кандыдатам бракуе. У тым ліку і дзейснаму...

ЕР: Што беларусам сёння бліжэй – еўрапейская Беларусь ці беларуская? Вось, напрыклад, Кастусёў падчас сваіх выступаў ставіць перад сабой бела-чырвона-белы сцяг...

СН: Сапраўды, ёсць такое ўяўленне, што беларуская нацыянальная ідэя – гэта перш за ўсё бела-чырвона-белы сцяг і пагоня. На мой погляд, гэта першапачаткова хібнае ўяўленне. Усе гэтыя сімвалы, да якіх я безумоўна стаўлюся з павагай, былі закліканыя аб'яднаць нацыю ў XIX ці XX стагоддзях. Той жа Кастусёў, які ўсяляк прасоўвае і дэманструе гэтыя сімвалы, павінен разумець, што фактычна ён заклікае беларусаў будаваць нацыю па ўзоры мінулага, а не будучага. Для сённяшніх беларусаў сімвалы, вядома, важныя, але перш за ўсё, важна разумець, які ў нас ёсць сучасны план развіцця Беларусі.

ЕР: Тым не менш, калі чытаеш каментарыі на форумах пасля тэлевыступаў, то часта праскоквае меркаванне, што як раз Кастусёў – найбольш беларускі...

СН: Так, мы разумеем слова «нацыянальны» ў вельмі вузкім, этнічным сэнсе – трэба размаўляць на мове, любіць беларускую культуру, спяваць беларускія песні, паважаць беларускі фальклор... Але XX і асабліва XXI стагоддзе прынеслі іншае ўяўленне пра нацыю. Пра нацыю, як пра грамадзянскую супольнасць. Гаворка павінна ісці пра інавацыі ў эканоміцы,

палітыцы, культуры... Як толькі гаворка заходзіць пра беларускую культуру, адразу ўзнікаюць вобразы «матчынай хаты, жывёл, раслін, ветлы над прудзікам...» У нас з паняццем нацыянальная беларуская культура звязаныя нейкія зусім патрыярхальныя вобразы. Тым часам, нацыянальная беларуская культура сёння – гэта «Свабодны тэатр», велізарная колькасць альтэрнатыўных мастакоў, паўпадпольных галерэй, кватэрных канцэртаў... У Беларусі існуе сапраўды вельмі багатая альтэрнатыўная музычная культура. Усё гэта і ёсць культура Беларусі, у тым ліку! Гэта тое, што жыве ў гарадской прасторы, а не толькі ў вёсцы з вельмі мілымі сімваламі, звязанымі з дзяцінствам... У тым ліку – дзяцінствам нацыі.

ЕР: Сыходзячы з таго, як вы апісалі цяпер культуру, які вобраз лідара сёння найбольш блізка беларусам?

СН: Вобраз сучаснага лідара, чалавека, які здольны сабраць вакол сябе новую, маладую каманду, каманду новага пакалення. Вядома, гэта не азначае, што трэба адмаўляцца ад старога досведу, праводзіць люстрацыю па ўзроставым прынцыпе, а ўсе, хто старэйшы за 35 гадоў павінны апынуцца на сметніку гісторыі... Я маю на ўвазе людзей з сучасным мысленнем і амбітнымі планами.

ЕР: Лозунгам беларусаў з'яўляецца фраза- «ніколі добра не жылі, не будзем і пачынаць»?

СН: На мой погляд, бяда Беларусі і беларускай нацыянальнай свядомасці сёння ў тым, што беларусы – нейкая не амбітная нацыя. Я б сказала, што яе лозунгам з'яўляецца фраза- «ніколі добра не жылі, не будзем і пачынаць». Сёння патрэбны чалавек, які скажа: «Мы будзем жыць лепш, мы выйдзем у лідары ў вась такіх абласцях...» У гэтым, уласна, асабіста мая асноўная прэтэнзія да Лукашэнкі. Гэты чалавек сёе-тое зрабіў для мінулага, але ў мінулым жа і застаўся. Нам патрэбны чалавек з сучасным мысленнем ХХІ стагоддзя.

ЕР: Ідэя, што Лукашэнка – дрэнны, усё яшчэ можа аб'яднаць людзей? Ці трэба штосьці большае?

СН: Нейкая частка грамадства, безумоўна, аб'ядноўваецца вакол гэтай ідэі. І я б не стала ставіцца да іх грэбліва, казаць – «ім не важна хто, галоўнае, каб не Лукашэнка»... Некаторыя кажуць, што гэта няспелая палітычная пазіцыя. Але для сённяшняй Беларусі – гэта пазіцыя цалкам актуальная. Калі мы кажам: «хто заўгодна, але не Лукашэнка», мы маем на ўвазе, што старая праграма, па якой жыла краіна – скончылася, яна сябе вычарпала. І сёння, калі людзі аб'ядноўваюцца, як вы кажаце «супраць Лукашэнкі», яны фактычна аб'ядноўваюцца «За іншае развіццё Беларусі».

ЕР: Які лідар павінен прыйсці на змену «харызматыку»?

СН: На змену адной яркай асобе павінна прыйсці іншая яркая асоба, якая расчысціць прастору для таго, што Макс Вэбер называў «рацыянальна-легальным кіраваннем» - спакойным, бюракратычным, але дэмакратычным. Для таго, каб прыйсці ў спакойную гавань дэмакратыі, мы павінны прайсці праз перыяд дэмантажы старой сістэмы. І гэта можа ажыццявіць толькі вельмі яркая натура, таксама харызматычны лідар. Гэта, вядома, вельмі далікатнае пытанне, таму што сёння той, хто ідзе на змену Лукашэнка, атрымлівае ўсе яго паўнамоцтвы. Ён, фактычна, атрымлівае гэты ўсеўладны пост лідара краіны. І тут вельмі важна зразумець – ці будзе здольны чалавек дзеля будучыні краіны ад гэтага адмовіцца, ці будзе працягваць рабіць тое ж самае?..

ЕР: Напэўна, акрамя яркіх паводзінаў, гэта павінен быць і знешне яркі і выразны вобраз?

СН: Сутнасць прафесіі палітыка заключаецца ешча ў размовах. Палітык – гэта чалавек, які размаўляе з народамі. Часам у нас фармуецца такое ўяўленне, што палітык – гэта той, хто ўмее кіраваць. Кіраваць умее кіраўнік, а палітык павінен размаўляць з народамі. Таму першым чынам людзі чакаюць такога лідара, які мог бы ім зразумела растлумачыць, які мог бы натхніць словам, які мог бы іх за сабой павесці. І ў якога, я яшчэ раз падкрэслію, ёсць палітычная воля для таго, каб ажыццявіць усе гэтыя пераўтварэнні.

ДИАЛОГИ

В данной рубрике мы представляем записи, транскрипции бесед, проходящих в уникальной и деликатной атмосфере. В отличие от дебатов, в этих беседах нет конфронтации, нет страха и недоверия. В этих беседах нет жесткого распределения власти: я – спрашиваю (и только спрашиваю), а ты – отвечаешь (и только отвечаешь), спрашивающий и отвечающий могут меняться местами, а суть разговора не заиклена на необходимости переубедить собеседника. Мы называем эту рубрику «Диалоги».

Михаил Бахтин описывает диалог следующим образом: «Два голоса – минимум жизни, минимум бытия ... Диалогические отношения предполагают общность предмета интенции (направленности)... Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты). Монолог – завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершенный диалог. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» (Михаил Бахтин. Эстетика словесного творчества). Мы надеемся, что мы сумеем создать такое пространство для наших тем и собеседников.

С Ольгой Карач беседует Евгения Иванова

БЕСЕДА С ОЛЬГОЙ КАРАЧ

7-го октября 2011 года на пресс-конференции с российскими СМИ Президент Беларуси Александр Лукашенко выразил свое отношение к возможности исполнения функций президента женщинами. В частности, было сказано:

... женщине кресло я бы не уступил только по одной причине: это не женское дело, это тяжелое дело – это во-первых. У меня и у российского президента полномочия верховного главнокомандующего. Ну

как женщина в юбке придет там перед строем, или на учениях... Хоть даже женщины сейчас и штаны носят, но все равно это не то. Это не женщины дело. В Евросоюзе функции президента может, наверное, исполнять женщина, хотя президент женщина – это тоже как-то не очень смотрится. Но там у них полномочия другие, они более представительские функции выполняют. У нас наоборот. У нас надо вкалывать, бегать, широко шагать, чтобы штаны не порвать и так далее. Поэтому не женское это дело. Да и мы, славяне, мы не очень воспринимаем, когда женщина-президент. Это мужская профессия, чисто мужская, не надо вам в эти президенты лезть, это беда, это горе, не дай Бог¹.

Евгения Иванова: Ольга, вот ты – лидер гражданской кампании «Наш Дом», Председательница Витебской областной организации Объединенной Гражданской Партии, член ПолитСовета ОПП, соучредительница Международного Центра гендерных инициатив «Адліга: Женщины за полное Гражданство». Что ты думаешь о той заботе, которую проявил Александр Григорьевич по отношению к женщинам-политикам, ограждая их от (потенциальной) беды, которой является президентство в таких странах, как Беларусь или Россия?

Ольга Карач: Как женщина – я выступаю против такого открытого патернализма. Думаю, женщины вполне могут сами решить, чем они хотят и могут заниматься в профессиональном плане. Как политик – я крайне не согласна. Такая постановка вопроса ставит под сомнение принципы равенства, равного доступа к государственным должностям и, в конечном итоге, демократии, - всего того, что закреплено в Конституции Беларуси. Как женщина-политик - я возмущена таким пренебрежением к серьезности работы, которую выполняют женщины, публичным недоверием и сомнением в потенциальных и реальных способностях женщин много и эффективно работать и, практически, заявлением о том, что женщины не «вкалывают». А что ты сама думаешь?

---

¹ «Лукашенко: “Президентское кресло я бы не уступил представительнице слабого пола”», *Комсомольская правда*, 7 октября 2011 г., <http://kp.ru/online/news/993370/>

Е.И.: Я думаю, что речь идет не столько о заботе, сколько о попытке исключить женщин из сферы серьезной и, главное, видимой политики. Это желание не женщин оградить от «беды» (весьма оригинальное название для обозначения сферы принятия политических решений), сколько «беду», т.е. политику, оградить от прихода женщин. Причем именно ту сферу политической жизни, где сейчас принимаются важнейшие и окончательные решения, влияющие на жизнь всех жителей нашей страны. И делается это в данном случае одним и тем же способом – выражением сомнения в совместимости женщин с политической и управленческой сферой. «Несовместимость» женщины якобы проявляется в трех разных сферах: 1) с необходимыми способностями, умениями и возможностями, которых у женщин нет (в данном случае «вкальвание»), 2) с какими-то политическими темами, областями и задачами (война, например) и 3) с нашей «славянскостью». Первую «несовместимость» я даже не буду обсуждать, т.к. мне она кажется... скажем так, весьма преувеличенной. Второй конфликт весьма любопытен – можно долго обсуждать, совместимо ли президентство как институт со славянством в принципе, т.к. первое отсылает к новейшим изменениям в политическом устройстве (институт президентства появился только в 18 веке, а в нашу страну пришел в последнюю декаду 20 века), тогда как славянство – это отсылка к далеким временам и совершенно другим мотивам. Но не это нас сейчас интересует. Меня, например, больше всего интересует, последний конфликт. Другими словами, действительно ли президентство – это не женское дело, поскольку связано с военной темой, и всегда ли оно с войной связано?

О.К.: Дивная все-таки логика у Александра Григорьевича. Женщина, значит, в форме главнокомандующего перед строем стоять не может, а семилетний мальчик Коля в форме главнокомандующего на военном Параде перед тем же строем – запросто может? Я не хочу, конечно, никого дискриминировать по признаку возраста и обобщать, но есть тут явное несоответствие и перегиб. Что касается моего личного мнения, то я, как женщина-политик, считаю, что дети должны играть и расти под мирным небом. Без автоматов в руках.

В детстве возле моего дома был тир. В моей школе в подвале был тир. Нам в школе преподавали «Начальную военную подготовку». Предполагалось, что детишки в школе «начинают» военную подготовку, а потом уже с каждым годом ее совершенствуют – через военно-полевые игры «Зарница», через военно-патриотические клубы, через военные кафедры в институтах и университетах, через обязательное несение службы в армии... Только много лет спустя я поняла, в какой ужасной системе мы жили. Если страна учит своих детей обращаться с оружием и воевать, значит, в ней что-то не в порядке.

Судя по размаху проводимых военных парадов и учений, для мужчины-президента в Беларуси война – это круто: солдатики бегают, кирпичи ломают на голове, стрекочут пулеметы, рвутся гранаты, танки туда-сюда... Движуха, короче. А для большинства женщин война – это тревожное ожидание почтальона у окна, похоронки, слезы, горе и боль, которая никогда не утихает. При этом многие женщины воюют наравне с мужчинами - я не игнорирую их опыт. Но кто-то всегда остается «дома», чтобы тем, кто воюет, было куда вернуться и за что, собственно говоря, воевать, и это чаще всего женщины, старики и дети.

Е.И.: то есть тебе кажется, что женщина-политик по-другому бы решала вопросы войны и мира? И что все-таки с (не)совместимостью?

О.К.: Да, я думаю, что по-другому. И дело не в несовместимости, а в другом отношении, других приоритетах, установках, ценностях и, в конечном счете, в другом социальном опыте, как ты любишь сама выражаться. Поэтому мне кажется, что если бы в 80-е годы у руля в Беларуси стояла женщина, то она бы костями легла, чтобы белорусские парни не ехали в Афганистан «выполнять интернациональный долг». Потому что, в то время как высокие начальники получали награды-звания-должности-квартиры, матери и жены в Витебске и по всей Беларуси получали цинковые гробы. А отмена льгот афганцам в 2007 году для меня показатель того, как государство непростительно легко относится к смертям белорусских воинов и быстро про них забывают.

И меня настораживает наше сближение с Россией. Почему оба президента молчат об участии армий союзных государств в военных операциях на территории друг друга? Для меня это очень принципиальный вопрос. Моя позиция такова: больше никакого выполнения «интернационального долга» и участия белорусов в чужих войнах! Наши дети, наши друзья, наши соседи, наши сограждане, в конце концов, не должны гибнуть в угоду политической конъюнктуре и чьим-то нездоровым амбициям. И «своих» войн мы не должны допустить! Исключение может быть только одно – если на нас напали. Тогда да, война до победного конца и в защиту нашей Родины.

И еще раз про несовместимость или совместимость. Задача верховного главнокомандующего – не в отслеживании целостности штанов во время беготни перед строем. Задача главнокомандующего и президента – это выстроить свою международную политику так, чтобы война в Беларуси, с Беларусью и с участием белорусских парней была бы в принципе невозможна. Чтобы Беларусь, как страну, уважали так, что никому бы в голову не пришло на нее нападать. Главное у верховного главнокомандующего, простите, мозги. А мозги не заменишь никакими штанами и даже большой фуражкой на голове.

Можете думать, что я так говорю, потому что я женщина, можете считать, что это моя личная политическая и гражданская позиция. Это неважно! Важно то, что происходит в стране и что это приносит людям. Боюсь, что Александр Лукашенко, запутавшийся в своей противоречивой международной политике, вряд ли сможет сказать твердое и однозначное «нет», если российскому руководству потребуются белорусские солдаты. И жизни наших сограждан, наших мужчин и женщин, могут быть выгодно проданы – за кредиты, помощь, низкую цену на газ и нефть и т. д.

Е.И.: А что бы сделала женщина-президент с твоей точки зрения? Ну, или, чтобы не обобщать и не говорить о всех женщинах так, как будто они все поступают одинаково, как бы ты поступила, случись тебе решать эти вопросы?

О.К.: Я все же буду говорить о женщинах как о группе, потому что мне кажется, что есть вещи, которые мы

разделяем. Я понимаю, что женщины – разные и что в основе моего видения лежит, прежде всего, мой собственный опыт бытия женщиной. Но я также причасна и к большому опыту общения с другими женщинами – моими избирательницами, коллегами, другими политиками в разных странах. Так вот, полагаю, что женщина-президент в международной политике не делала бы таких непростительных ошибок, как были продемонстрированы недавно белорусским лидером. Я бы не стала портить отношения с европейскими странами, в то время, когда экономика страны зависит от Евросоюза. Я бы сделала все возможное, чтобы сохранить дружеские отношения с другими странами. А, например, с Украиной и Россией, нашими соседями, я бы развивала партнерские отношения.

Есть ли сейчас хоть одна страна, которую мы бы могли с гордостью назвать своим «партнером»? Да, есть. Куба, Ирак, Ливия, Венесуэла, Северная Корея, некоторые арабские страны. Да, хорошо. Но экономически – это менее выгодно. Почему бы нам не развивать взаимовыгодные партнерские отношения, прежде всего, с соседями – другими славянскими и балтийскими странами? То есть, с нашими соседями: у нас общая история, общие корни, общие границы, общие проблемы и многое другое «общее». Они здесь, близко, с ними легко общаться. Но Беларусь так себя ведет, что соседи и руки подать боятся.

Е.И.: С «военным делом» – понятно. Твой подход – женский ли, политический ли – мне напоминает о разнице между умным и мудрым человеком: умный легко выйдет из трудной ситуации, а мудрый в нее просто не попадет. А что еще или в каких сферах ты (или женщина-политик) сделала бы по-другому?

О.К.: Сельское хозяйство. И в частности наши печально известные агрогородки. Мне всегда хотелось узнать имя того славного, но скромного архитектора этих удивительных домиков. Посмотришь на агрогородок, и сразу понятно: то ли автор проекта прибыл из знойной Африки, где не бывает зимы, холодов и снега, то ли это хитрый расчет государства, чтобы только алкаши в этих домиках и селились. Белорусы,

как нация с крестьянскими корнями, не перестают удивляться этому «восьмому чуду света». Дом в деревне – это ведь не просто дом. У крепких хороших хозяев дом – это только треть от всех хозпостроек. Остальное – сараи, навесы, хлев, пуни и прочие строения. Это у алкаша и лодыря – дом один-одинешенек на огороде, посреди бурьяна и лопухов.

В агрогородках, кроме домика, в углу участка скромно стоит одинокий сарайчик, в котором не поместится даже курятник. То ли туалет на две персоны, то ли «для красоты» кто-то соорудил. Где держать корову, поросенка, где хранить картошку, сено? Нет даже элементарного навеса для дров. Счастливые жители дома в агрогородке даже помыться не смогут: бани тоже нет. А ведь вопрос не праздный: по закону белорусский домовладелец без согласия отдела архитектуры сам никаких хозпостроек возвести не может.

Женщина-президент на агрогородки бы точно деньги не тратила, а вложила бы их в развитие уже существующих деревень и сел – на инфраструктуру, больницы, школы и многое другое. Вложила бы их в развитие фермерства, экотуризма, в поддержку крепких хозяев. Зачем строить новые дома, когда по Беларуси масса старых добротных брошенных домов? Они стоят намного дешевле, чем новострой, да и, видимо, простоят намного дольше. Потому что хозяева строили, и для себя, а не чиновники – и для «галочки».

Возьмем другой пример. Среди соседей мы известны как «бульбаши», т. е. картофельная нация. Картошка – наше все. Понятно, что если Беларусь хочет быть независимой в экономическом плане, то она должна завоевывать новые рынки и продвигать свою продукцию. Рядом большущий Евросоюз с 27-ю странами – в три с половиной раза больше России и в пятьдесят раз больше Беларуси. В ЕС полмиллиарда покупателей с зарплатой повыше белорусской. Почему бы не завалить европейские рынки белорусской картошкой?

Забавно, но факт: имея президентом бывшего директора совхоза, Беларусь за 17 лет его правления не смогла зарегистрировать в ЕС ни одного (!) сорта семенного картофеля. Скажу даже больше: не было ни одной попытки со стороны белорусских властей подать заявку на регистрацию сортов, а без регистрации, по европейским законам, выгодно продавать в Евросоюзе сельхозпродукцию невозможно. Даже

Россия, которая не имеет репутации «картофельной страны», умудрилась зарегистрировать два сорта, с которыми вполне может идти на европейские рынки.

Помнится, Маргарэт Тэтчер, в то время премьер-министр Англии, когда-то очень метко и жестко сказала про своих конкурентов-мужчин: «Петух, может быть, хорошо кукарекает, но яйца все-таки несёт курица». Вот и мне кажется, что и в сельском хозяйстве не хватает женской руки, чтобы вернуть ему конкурентоспособность. Хотя бы с Россией.

Ноябрь 2011 г.

Гендерная политика Беларуси

Лидия Ермошина

Но неужели пост министра делает женщину счастливой? Счастливой женщину делает любовь, красота, дети, муж – вот, что главное!

ПАРЛАМЕНТ

30% женщин

Несмотря на то, что многие независимые женщины-кандидаты вели успешные избирательные кампании, депутатами Палаты представителей стали лишь те женщины-кандидаты, которые получили административный ресурс и поддержку от власти.

Меня схватили. Я упала и сильно ударилась спиной, перевернули вверх ногами и понесли к автобусу.

Они ринулись на нас, грубо вырывали плакаты и вели в автобус. Женщину 1938 года рождения, бывшую учительницу, схватили за руки и ноги и бросили в автобус, не став дожидаться, пока она сама пойдет.

От нас требовали сдать отпечатки пальцев и пройти процедуру фотографирования. Людей запугивали.

По итогам выборов в Палату представителей Национального Собрания не вошло ни одного независимого кандидата и представителя от демократических партий.

Комикс Марины Напрушкиной. В комиксе использованны данные Альтернативного отчета по выполнению Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Постаць – это ёмкое белорусское слово, которое одновременно коннотирует сильную личность, фигуру, индивидуальность и статью. *Постаць* – это больше, чем личность, которое может быть передано белорусским словом асоба. *Постаць* – также больше, чем индивидуальность. *Постаццю* можно назвать выдающееся историческое или политическое лицо, заметно повлиявшее на ход событий и изменившее общественное мнение. Именно о таких женщинах пойдет речь в этой рубрике – о выдающихся личностях, выделяющихся своей значимостью и статью в сфере политики, культуры и общественной жизни.

СИМОНА ДЕ БОВУАР: ЖИЗНЬ – САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Светлана
Айвазова

Тезис «женщиной не рождаются, женщиной становятся» – ключевой в двухтомном труде Симоны де Бовуар «Второй пол»¹, во многом предопределял и основные повороты ее биографии, ее ответы на вызовы времени. Вехи этой биографии: бунт подростка против семьи, гордившейся религиозными устоями, буржуазным благополучием, аристократическими корнями; учеба на философском факультете Сорбонны наряду с будущими знаменитостями – Р. Ароном, Мерло Мерло-Понти, Жаном-Полем Сартром; литературно-философские труды, главным из которых – неожиданно для нее самой – стал «Второй пол»; страстная вовлеченность в общественно-политические дебаты 50-60-х годов; наконец, поддержка студенческой революции в майские дни 1968 года – насквозь пронизаны стремлением жить вопреки традиционному «женскому уделу», стремлением к свободе, творчеству, самоосуществлению. Ее многолетний, принципиально не оформленный и свободный союз с Жаном-Полем Сартром

1 De Beauvoir S. *Le Deuxième sexe*. Paris, 1949. Русский перевод книги: Де Бовуар С. *Второй пол*. М., СПб., 1997.

вызывал массу толков, пересудов, подражательств, потому что понятия свободы воли, свободы выбора, автономии, самоосуществления личности, то есть «подлинного существования», стали основополагающими не только в оригинальной философской доктрине гуманистического экзистенциализма, но и в ее личной жизни.

Симона де Бовуар объявила в своей книге «Второй пол», что нет ни специального, якобы природного, «женского предназначения», ни так называемой «загадки женской души». Все это – социальные конструкты, навязанные определенными социально-историческими условиями. За тысячелетия патриархатного господства сложились определенные общественные нормы и стереотипы, которые вменили мужчине роль полноценного человека, женщине – роль его «второй половины», его «ребра», то есть практически его собственности. Естественно, что Симона де Бовуар не отрицала в принципе биологического различия между мужчиной и женщиной, вообще – «мужским» и «женским» как природными началами. Она отрицала Фрейда с его знаменитым тезисом: «анатомия – это судьба». Отрицала непосредственную зависимость между разными уровнями человеческого бытия и доказывала, что физиологические различия между мужчиной и женщиной вовсе не предопределяют их экзистенциального различия – различия в качестве субъектов истории, когда один является господином, а другой – его рабом. Это первичное разделение труда не задано неким умыслом, оно навязано конкретными социальными обстоятельствами. Такое разделение труда произошло на заре истории, когда за мужчиной была закреплена сфера «конструирования смыслов жизни» – культуры и общества, а за женщиной – сфера воспроизводства жизни – как бы сфера природы. На этой основе со временем возникли стереотипы сознания, отождествляющие с мужчиной культуру, а с женщиной природу, со всей их символикой.

Симона де Бовуар подчеркивала, что поскольку именно мужская деятельность сформировала понятие человеческого существования как ценности, которая подняла эту деятельность над темными силами природы, покорила саму природу, а заодно и женщину, то мужчина в обыденном сознании предстает как творец, создатель, субъект, женщина

же – только как его творение, и потому – объект его власти. Против этого предубеждения и направлен ее основной постулат: «женщиной не рождаются, женщиной становятся». Симона де Бовуар стремилась рассеять в своей работе любые сомнения в том, что изначально в женщине заложены те же потенции, те же способности к проявлению свободы воли, к трансцендентности и самоосуществлению, что и в мужчине. Их подавление ломает женскую личность, не позволяет женщине состояться в качестве человека. Конфликт между изначальной способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта чужой власти и определяет, по ее мнению, специфику «женского удела» в традиционных обществах. В современном мире женщинам следует осваивать новую роль – роль полноценного человека. Именно в этом и заключен основной пафос книги «Второй пол», которая и по сей день остается самым полным, самым развернутым исследованием о положении женщин.

Рассматривая книгу «Второй пол» в общей канве творчества Симоны де Бовуар, невольно приходишь к выводу, что книга задумывалась ею, прежде всего, как эссе философа-экзистенциалиста, размышляющего о судьбе женщины как судьбе человека, а вовсе не как труд поборницы феминизма. Но история любит парадоксы. «Второй пол» обеспечил Симоне де Бовуар славу крупнейшего теоретика современного феминизма, даже его родоначальницы. Симона не сразу догадалась о той участи, что уготовила ей эта книга. Выпустив «Второй пол» в свет, она не стала заниматься дальше проблемами женщин, женского движения, феминизма. Прежде всего потому, что в пору работы над этой книгой она сомневалась в состоятельности феминизма как сколько-нибудь значимой социальной силы. По ее тогдашнему мнению, феминизму недостает конституирующих начал: у женщин нет ни собственного коллективного прошлого, ни коллективного настоящего, они не могут сказать о себе «мы», как это, например, могут сделать пролетарии. Надежды на преодоление «женского удела» Симона де Бовуар связывала в ту пору с социалистическим обновлением мира и, конечно же, с развитием личностного начала в женщине – с «экзистенциальной перспективой».

Пропаганде социализма и антиколониализма, поиску

путей социального освобождения была посвящена деятельность журнала «Тан Модерн», основанного Бувуар и Сатром. Вскоре журнал выдвинулся в число лучших и самых читаемых в Западной Европе. А его основатели стали почитаться как «властители дум» своего времени. Но политическая деятельность приносила не только громкую известность, а еще и горькие разочарования. Эти разочарования во многом были вызваны осмыслением отнюдь не радужного опыта реального социализма. Личный опыт переплавлялся в страницы романов и мемуаров. За роман «Мандарины», вышедший в свет в 1954 году, Симона де Бовуар получила самую престижную во Франции Гонкуровскую премию.

Новое время, начало которому положили студенческие бунты 60-х годов, поставило в повестку дня истории идеи творческой самореализации, свободы выбора и самосуществления. На волне студенческого протеста возникло мощное неофеминистское движение. Зачинательницы движения, неожиданно для Симоны де Бовуар, объявили ее своей провозвестницей и вдохновительницей. И она с пылом молодости поддержала это движение, стала его участницей: занималась пропагандой феминизма, возглавляла уличные марши во имя равноправия женщин, обличала все формы насилия над женщинами, требовала признания их репродуктивных прав, включая легализацию аборт, свободное распространение противозачаточных средств и т.д. Этот революционный порыв был таким сильным, что сказался и на ее идейных позициях. Они стали гораздо более радикальными сравнительно с тем, о чем она писала в книге «Второй пол».

В пору ее написания Симона де Бовуар – повторю, во многом вопреки логике гуманистического экзистенциализма и собственному анализу – принимала марксистские тезисы о том, что полное освобождение женщины возможно лишь при социализме, что победа демократического социализма автоматически освободит и женщин, изменит их положение в обществе, что борьба за социализм равнозначна борьбе за освобождение «второго пола». Теперь, в бурные 60-е годы, она думала иначе. Время заставило ее признать, что феминизм представляет собой особую, едва ли не главную, форму борьбы за свободу личности. И потому феминистский протест

не следует смешивать ни с одним другим типом социального протеста. Женщины должны взять свою судьбу в собственные руки и, если нужно, объявить «войну полов» для утверждения своего гражданского равноправия. Этот подход разделяли и ее молодые сторонницы – неофеминистки. Разделяли, подправляя былые заблуждения своей провозвестницы и доказывая, что возможны и женская солидарность, и женское коллективное «мы», создавая свое коллективное настоящее, которое очень быстро стало значимым коллективным прошлым. Пробуждение женского коллективного сознания как сознания социального происходило поднепосредственным воздействием автора книги «Второй пол».

Но вот в другом важном вопросе они бесповоротно разошлись. Симона де Бовуар отказалась принять новейшие феминистские концепции о специфической женской субъективности, об онтологически predetermined женской сущности, о некоем женском начале – «феминности», о праве женщины не копировать мужской стандарт социального поведения, а жить в истории на свой манер, согласно «женской природе». Для Симоны де Бовуар, как для любого экзистенциалиста гуманистической направленности, этой онтологической «сущности» в принципе нет и быть не может. Отрицая понятие «феминности» в спорах 60-70-х годов, она до предела заострила свои высказывания. По ее убеждению, в социо-культурном плане женская индивидуальность совершенно тождественна мужской, их различает только физиология или анатомия. В многочисленных интервью и публичных дебатах тех лет Симона де Бовуар доказывала, что быть женщиной – это не призвание, что женщина, как и мужчина, в первую очередь, должна проявлять себя как человек – в труде, творчестве, самоосуществлении. Она – не машина для воспроизводства человеческого рода. Материнство может быть лишь актом ее свободного решения, а вовсе не обязанностью. Именно эта часть ее убеждений вызывала шквал критики – критики самой злобной, что называется «ниже пояса». Конечно, ей было не привыкать к критическому обстрелу. Но агрессивность и правых, и левых оппонентов стала задевать даже ее. «Низость этих реакций глубоко оскорбила меня», – писала она в своих мемуарах.

Оценивая в целом это «жизнетворчество», известный

французский психолог, феминистка из поколения «ее дочерей», Элизабет Бадинтер писала: «Симона де Бовуар освободила миллионы женщин от тысячелетнего патриархатного рабства... Несколько поколений женщин откликнулось на ее обращение к ним: «Поступайте, как я. И ничего не бойтесь. Завоевывайте мир, он – ваш». Взмахом волшебной палочки Симона де Бовуар рассеяла догму о естественности разделения труда по признаку пола. На нее ополчились консерваторы всех мастей. Но прошлого не вернуть. Ничто не заставит нас вновь поверить в то, что семейный очаг – наше единственное назначение, домашнее хозяйство и материнство – непреложная, обязательная судьба. Все мы, сегодняшние феминистки, – ее духовные дочери. Она проложила нам дороги свободы»².

Так, в постоянном поиске, в потерях и обретениях, идя наперекор традициям и навстречу своей судьбе, Симона де Бовуар сумела обрести самое себя. Так она получила признание своего века. Века, в котором реализовывались ее идеи, влиявшие не только на общественное сознание, но и на общественную жизнь. И это не пафосное преувеличение. Разразившаяся в 60- годы в странах Запада «женская революция» под лозунгом: «Если женщины имеют право на половину мест в раю, то они имеют право и на половину власти на земле!», в 80-90-е годы вынудила власть имущих потесниться и впустить наконец и женщин в структуры управления обществом. Эти структуры из однополых, мужских, стали превращаться в смешанные. Более того, «женская революция» изменила представления о самом содержании демократии. Эта революция расширила ее горизонты, заставила увидеть многоликость, многогранность социального пространства, в котором действует вовсе не один субъект, и которое держит в напряжении вовсе не один конфликт, а множество конфликтов, по-разному разрешаемых разными субъектами. В это новое видение мира внесла свой вклад и Симона де Бовуар.

Когда в середине апреля 1986 года в возрасте 78 лет она ушла из жизни, с ней вышел попрощаться весь Париж. Он чтит ее, судя по опубликованным некрологам, за отважное искусство «подлинного существования», за жизнь – событие, жизнь – самоосуществление.

---

2 *Le Nouvel Observateur*. 8 mai 1986.

Елена
Гапова

ЛЮБОВЬ КАК РЕВОЛЮЦИЯ,
ИЛИ «НЕСМОТЯ НА ГРАМШИ»
ПОЛУТЫ БОДУНОВОЙ[†]

*Миллионами слов женщины писали книги, не говоря о
дневниках и письмах, о том, сквозь что надо пройти,
чтобы просто писать, и как много женщин не имеют
даже этого. Мы писали о нашем письме и подавлении
этого письма; мы писали о молчании и безумии, о нашей
маргинальности и невидимости, об отрицании нас и о
нашем отличии...
Тереза де Лауретис[‡]*

*...Улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.
Владимир Маяковский
«Облако в итанах»*

Эта статья посвящена истории и «смыслу» травмы или — в популярном представлении — истории и «смыслу» психического заболевания (или даже «сумасшествия») белорусской эсерки Полуты Бодуновой, расстрелянной в 1938 году, а также интерпретации или, скорее, умолчанию об этой травме в национальном дискурсе Беларуси. Вставшие

1 De Lauretis T. Feminist Studies // *Critical Studies: Issues, Terms and Context* / T. de Lauretis (ed.). Bloomington: Indiana University Press, 1986. P. 5.

[†]Опубликовано по изданию: Елена Гапова. Любовь как революция, Или «Несмотря на Грамши» Полуты Бодуновой // *Травма:пункты* / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009. Сс. 840-863. Публикуется с согласия автора.

[‡]Хочу выразить благодарность Сергею Ушакину и Александру Першаю за комментарии, высказанные в процессе работы над текстом.

передо мной вопросы выглядят следующим образом: что «на самом деле» произошло с Бодуновой, во-первых, и почему этого «нельзя сказать» в той истории борьбы за белорусскую государственность, которая пишется сейчас, во-вторых?

Иначе говоря, почему пережитая П.Б. и очевидная всем, кто знаком с этой историей, травма препятствует включению в национальный пантеон политической деятельницы, чья подпись стоит под уставными грамотами первого независимого белорусского государства 1918 года, и почему это важно для понимания разворачивающегося сейчас процесса исторического письма? Фактологически эта статья опирается на работы исследовательницы из Гомельского университета Валентины Лебедевой: все сведения о жизни Полуты Бодуновой получены из ее публикаций, а также из бесед с ней. Первоначальным же толчком к осмыслению истории П.Б. послужила статья Терезы де Лауретис «Несмотря на Грамши, или Левая рука истории».² В ней предлагается феминистское прочтение истории психического заболевания русской жены Антонио Грамши, которое — при всех фактических различиях — кажется вызванным теми же причинами, что и болезнь Бодуновой, т.е. травмой, связанной с невозможностью женского субъекта добиться означивания в некоторых ипостасях, считаемых первостепенными.

Револуция: история Полуты Бодуновой

Большинство моих знакомых — образованных, живущих в Беларуси людей — никогда не слышали о Полуте Бодуновой. До последнего времени она была известна только в кругу историков и литераторов (обычно избегающих говорить о ней), занимающихся национальным возрождением первой трети XX века, а также интеллектуалов, связанных с идеями национальной независимости. Очевидных причин этому две. Одна из них связана с той канонической версией белорусской истории, которая была монополизирована властью вплоть до последнего десятилетия XX века. Она представляла собой нарратив о совместном со старшим братом шестии к

2 De Lauretis T. Gramsci Notwithstanding, or, the Left Hand of History // De Lauretis T. *Technologies of Gender. Essays on Theory, Film, and Fiction*. Bloomington: Indiana University Press, 1987. P. 84–94.

пролетарской революции под мудрым руководством, и какие-либо имена или события, которые могли эту версию поставить под сомнение, были из нее исключены (что верно и для других советских национальных историй, в том числе и российской). Полута Бодунова, являясь, как и ее соратники, также из этой версии исключенные, «буржуазной националисткой» (хотя партии, к которым она принадлежала или руководила, имели социалистическую ориентацию), таким образом, не могла попасть в советскую историю. Однако в последние пятнадцать лет все же произошло возвращение других несоветских деятелей в «независимый» исторический дискурс (правительство Беларуси по-прежнему настаивает на просоветской версии истории): их имена включены в учебники, изданы их книги и книги о них. Но даже в этой компании П.Б. маргинальна. Таким образом, вторая причина — затушевывание П.Б. и в этой версии. Поэтому далее я изложу фактическую сторону жизни П.Б., опираясь на публикации и рассказы Валентины Лебедевой,³ и одновременно попытаюсь реконструировать ее судьбу в «общесмысловом» контексте ее времени.

Полута (Полина) Бодунова родилась в 1885 году в мещанской семье в Гомеле, крупном городе Северо-Западного Края Российской империи, важном центре эсеровско-бундовской деятельности. Закончив училище и выдержав экзамен на звание домашней учительницы русского языка и географии, она почти до тридцати лет работала в сельских школах. В 1914 году П.Б. становится слушательницей Высших историко-литературных курсов в Петрограде, где в это время собирается круг сознательной белорусской интеллигенции, литераторов и деятелей национального возрождения (учебные заведения и «наука» в самом Крае запрещены или затруднены после восстания 1863 года). Попав в эту среду и в преддверии революции, П.Б. «вспоминает», что она белоруска: национальность, как любая идентичность, ситуативна и конструируема и «всплывает на поверхность» в определенных условиях. У П.Б. есть энергия и ораторский талант, вернее, появляются условия для их проявления. Когда она говорит, ее слушают. После Февральской революции слушатели курсов избирают ее делегаткой в Петросовет, а летом 1917 года она

³ Лебедева В. Полута Бодунова: женщина в политике // *Женщины на краю Европы* / Е. Гапова (ред.). Минск: Прополиси, 2003.

входит в руководство старейшей белорусской политической партии — Белорусской социалистической громады (БСГ). Бывшая учительница русского языка становится пропагандисткой «белорусского дела»: выступая на съездах фронтовиков в Петрограде, Москве и Минске, она разъясняет программу национального самоопределения:

После моих выступлений на съезде некоторые московские белорусы спрашивали у меня паспорт, чтобы убедиться, что я действительно православная, а не католичка, подосланная иезуитами, как они говорили. Для их ушей казалось диким, что Беларусь — это не Россия, что белорусы как нация имеют право на свободное, независимое существование.⁴

Риторика нового мира связана с распадом империй и выходом на сцену «поздних наций» Восточной Европы; национальное самоопределение провозглашают как Владимир Ленин, так и Вудро Вильсон. Начинается передел границ в тех краях, где их не было уже давно, а те, что были до завоеваний Екатерины (или до Австро-Венгрии), не устраивают ни одну новую элиту. Многим, прежде всего интеллигенции на «национальных окраинах», кажется в тот момент главной справедливостью разбудить массы народа (или солдатские массы) и объяснить им, кем они являются «на самом деле», как должны себя назвать, какое принять имя, а затем повести их в таком качестве к освобождению. Западные правительства после окончания Первой мировой войны будут пытаться провести в регионе «справедливые границы» в соответствии с расселением этнических общностей, а потому эти общности должны твердо знать, кто они такие. В терминологии П. Бурдые это называется конструированием классифицирующих оснований⁵: европейские державы «разрешат» создать свое государство тем, кто будет способен «доказать», что они на самом деле являются исторически сложившимися сообществами.

Чтобы войти в круг европейских наций, белорусы должны отстоять историю, язык и культуру. Роль агитаторов в этом деле огромна. П.Б. выступает от имени угнетенного

4 Цит. по: Лебедева В. Полута Бодунова... С. 307.

5 Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действенности (1981) // *Логос*. 2003. № 4/5.

белорусского народа, чей язык не признан. Ее жизнь полна нового смысла. Она не провинциальная незамужняя учительница, а революционерка, политик, вовлеченная в общее дело, цель которого высока и благородна. Ей тридцать два года, и в этой новой жизни это не «бальзаковский возраст» последнего (по тем временам) женского цветения, а время деловой молодости революции; она свободна, образованна, и она — «новая женщина». Вопрос о том, насколько она «сама» перестраивает себя, выбирая как жить, а насколько — идет той колеей, которую формирует для людей ее среды, возраста и пола революционное время, категорически изменяя иерархии, а также структуру запретов и возможностей, бессмыслен. Не тургеневской же барышней становится, родившись «в России с умом и талантом», да еще на сломе эпох.

Она влюблена в это новое, храброе время, в революцию, в освобождение своего страдающего народа, и она — естественно — влюбляется: а разве могло быть по-другому? Ведь и Маяковский писал о революции как о любви: она началась с «Облака в штанах» — манифеста новой любви. Социальная революция всегда по новому формирует сексуальность: ее цель, и смысл, и способы ее «делать», потому что любовь включена в тот властный порядок, который революция призвана изменить. Ее любовь и революция, конечно же, вместе:

Мы встретились с ним на одном из белорусских съездов воинов западного фронта... Вот к столу, попросив слова у председателя, подошел молодой военный, судя по нашивкам, вольноопределяющийся. Он сделал какое-то короткое заявление, почти не занявшее времени. Я, утомленная беспрерывными каждодневными сообщениями... даже не смотрела на тех, кто говорит. А только умом выбирала главное из того, что говорил оратор. Когда начал говорить Томаш (тогда я еще не знала, что его так зовут, и еще более не знала, что это имя будет для меня таким дорогим в будущем), я нечаянно подняла глаза и глянула на него. Длинные каштановые волосы, баки, бледное лицо и резкой формы, сходящиеся над носом брови сразу делали его заметным среди других. Самое сильное впечатление сделали на меня его глаза. Почти неземная доброта, тихая грустная насмешка над суетой земной так и глядели из глубины не то карих, не то серых больших глаз его. Сразу нечто стукнуло мне в сердце:

о, какие глаза у этого человека. Какая должна быть святая и правдивая душа — вот кого можно полюбить до конца.⁶

Любовь, возникшая в контексте революции, по сути дела, равна ей. В момент встречи (любят упоминать историки) ей на несколько лет больше, чем Томашу Грību. Ну и что?

П.Б. принимает участие в подготовке Всебелорусского съезда в Минске, разрабатывая большую, как пишет Валентина Лебедева, для прифронтовой Беларуси проблему: помощь беженцам и инвалидам войны. Голодные дети, истлевшие портянки. По-белорусски это называется *галеча* — от слова *голый*. Она предлагает развернутую программу помощи и ставит вопрос о международной ответственности за нанесенный ущерб. Съезд провозглашает принципы независимой белорусской государственности, но разгоняется большевистским облисполкомом с применением военной силы: противостояние между большевистскими властями (по сути, властью Западного фронта) и белорусскими национальными организациями (Партией белорусских эсеров, БСДГ и другими) обостряется до предела. Будучи партиями социалистической ориентации, они, тем не менее, отвергали большевизм как мировую (т.е. «городскую»), а не национальную революцию.

Суть противостояния составляют сложные отношения национальных и социалистических движений. Большевики видят смысл своей борьбы в освобождении пролетариата: перед ними целый мир голодных и рабов, и их идеал — «без России, без Латвий жить единым человеческим общежитием», но со столицей в Москве. Национальные демократы считают главным субъектом исторического процесса не «всемирный» пролетариат, а национальное крестьянство. Образ, что нарисовал национальный гений Янка Купала в поэтическом манифесте 1905 года. «А кто там идет?»: «а кто там идет огромной такой громадой? Натруженные руки, ноги в лаптях? — белорусы; а что же несут они на своих плечах? — свою кривду; а чего же хочется им — голодным, слепым и глухим? — людьми зваться...» В новый мир свободных европейских наций, полагает интеллигенция, мы придем как народ со

---

6 Лебедева В. Полута Бодунова... С. 313.

своим языком, культурой и историей. В конечном же итоге, как говорил Ленин, ключевой вопрос каждой революции — это вопрос о власти. Чья будет власть, местная или «московская»?

Тем временем, после срыва мирных советско-германских переговоров, немецкие войска занимают территорию Беларуси, и в условиях оккупации в марте 1918 года исполком Всебелорусского съезда провозглашает Белорусскую Народную Республику (БНР), которая формально просуществовала менее года. Без нее, как полагают некоторые историки, вряд ли была бы возможна Белорусская Советская Социалистическая Республика, сформировавшая основы последующей государственности. Подпись П.Б. в числе других стоит под уставными грамотами республики. В составе правительства она становится министром по делам призрения, занимается беженцами, помощью детям и налаживанием национальной школы. Рада (совет) БНР обращается за помощью к немецким властям, так как Германия в тот период поддерживала независимость Украины и Прибалтики, видя в них «антимосковскую» силу. П.Б. и ее соратники квалифицируют это как предательство революции и белорусского народа, выходят из состава руководства и объединяются в Белорусскую партию социалистов-революционеров; под ее влияние попадают Крестьянский и Учительский союзы.

Осенью 1918 года немецкие войска под напором Красной армии начинают оставлять белорусскую территорию, и эсеры объявляют борьбу против двух оккупантов — Германии и Советской России. П.Б. и ее соратники остаются в занятом большевиками Минске, и сначала их арестовывают всего на сутки. Эсеры делают попытки искать внешнего политического союзника — таким какое-то время казался Пилсудский, однако, по мере захвата территории поляками и репрессивных действий против интеллигенции, тщетность этих надежд становится очевидной. П.Б. объявляет борьбу и против «польской эндеции, потопившей в крови права свободного белорусского народа», и осуществляет все руководство партией, когда поляки заключают Т. Гриба на семь месяцев в лагерь.

В феврале 1919 года польские оккупационные власти арестовывают П.Б. и помещают в одиночку, а через несколько

месяцев выпускают под надзор жандармерии. Соратники помогают ей перейти линию фронта и попасть в Смоленск, где обсуждается вопрос о государственном самоопределении: большевики выступают за БССР, эсеры же ведут подготовку к провозглашению Белорусской трудовой социалистической республики Всебелорусским трудовым конгрессом. Эсеры — единственная местная сила, опирающаяся на военные формирования и обладающая многотысячной поддержкой. Это серьезный аргумент в переговорах с большевиками. П.Б. отправляется в Москву и проводит переговоры с наркомом иностранных дел Г. Чичериным и наркомом по делам национальностей И. Сталиным. Ее миссия оценивается партией как успешная, и она едет в Ригу для дальнейших переговоров и кратковременной передышки (тело уже не выдерживает нагрузок), где и пишет несколько страниц «Воспоминаний о моей любви» (которые будут подробно рассмотрены ниже) — сама любовь уже «закончилась», и в душе темно и промозгло. Томаш Гриб увлекся известной красавицей Павлиной Меделкой. Она молода, участвовала в первых белорусских театральных постановках, и ее именем увлеченный Янка Купала назвал свою «Павлинку». На сохранившихся фотографиях это ослепительная брюнетка в мужском костюме и рубашке с галстуком.

Осенью 1920 года П.Б. возвращается в уже советский Минск (западные земли после Брестского мира отходят к Польше), надеясь участвовать в выборах в Советы и заниматься культурной работой, но в феврале 1921 года ЧК проводит акцию ликвидации БПСР. Арестованы 860 человек и документы, в которых говорится, что П.Б. возглавляла правое крыло партии, что через нее поддерживались контакты с российскими левыми эсерами и подпольными эсеровскими организациями на занятых поляках территориях. Ее направляют в Новинскую тюрьму в Москве, полгода не предъявляют обвинений и даже не проводят допросов, она объявляет две голодовки протеста, и в июле 1921 года Красный Крест извещает ВЧК о том, что П.Б. находится в критическом состоянии. После ходатайства на имя Ленина специальным постановлением правительства РСФСР ее освобождают.

Политическая деятельность в Белоруссии невозможна, легально уехать нельзя, а при попытке перехода польской

границы ее арестовывают, полгода держат под надзором полиции, а затем отпускают с требованием покинуть Польшу. Она направляется в Прагу, где при поддержке чешского правительства сформировался центр белорусской эмиграции (и где находится Т. Гриб — его брак с Меделкой распался), собираясь затем вместе с Вацлавом Ластовским представлять Беларусь на Конференции бывших покоренных народов в Женеве. Неожиданно против ее поездки категорически выступают соратники по партии вместе с Т. Грибом: якобы потому, что «социалистка не может участвовать в конгрессе буржуазной Лиги Наций». Ее пребывание в Праге также нежелательно: бывшие соратники, среди них Томаш, хотят отправить ее в США налаживать издательскую деятельность. Мир рухнул: существовать можно, но жить нельзя. Не простившись, П.Б. уезжает в Берлин и заболевает: нервный стресс и простуда. Через месяц возвращается в Прагу, надеясь посещать лекции в Карловом университете, но беспрерывно болеет, просит в случае смерти перевезти ее прах в Минск. Ее помещают в нервную клинику, по выходе из которой она выглядит абсолютно сломанным человеком. Кто-то из доброхотов пишет в Минск сестре П.Б. о ее состоянии: по пражским улицам ходит живой труп. В начале 1926 года через наркомат иностранных дел сестра добивается возвращения П.Б. на родину. Она нездорова — и физически, и «так». В работе ей, как бывшей эсерке, а также в пенсии по болезни отказывают. Она подрабатывает уроками, но больше живет за счет помощи сестры и брата.

В 1930 году были проведены первые крупные аресты среди белорусской интеллигенции, имевшей «незалежницкое» прошлое (к 1941-му она была уничтожена практически вся), и в 1932 году П.Б. делает попытку вырваться за границу, обратившись в Международную организацию помощи революционерам (МОПР) с просьбой о содействии в выезде из СССР. МОПР отвечает отказом, ведь П.Б. «не подвергается репрессиям со стороны капиталистов». С этого времени она живет в Гомеле у брата, подрабатывая частными уроками, но ведет себя «неадекватно»: открыто критикует советскую власть, даже в разговорах с малознакомыми людьми или в очередях. Она явно «не в себе». В сентябре 1937 года ее арестовывают, и 5 мая 1938-го Особое совещание НКВД

СССР выносит ей смертный приговор, который приводится в исполнение в ноябре. О том, что происходило с ней с мая по ноябрь, мы, по-видимому, никогда не узнаем. В любом случае, Полуте Бодуновой достался страшный жребий.

Язык: история молчания

В 1998 году при поддержке различных фондов усилиями энтузиастов национального возрождения и белорусской диаспоры были изданы «Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі»⁷: собрание документов, связанных с провозглашением БНР, ее существованием, борьбой вокруг нее, судьбами ее деятелей. В первой книге первого тома на страницах 799–802 помещен документ за номером 2228: «Палута Бадунова. Успаміны аб маім каханні» («Воспоминания о моей любви»), затем указаны место написания — Кэмери (написано Кэмерн), местечко на Рижском взморье, и дата — 27–28.06.1920. После трехстраничного текста комментарий: «На этом заканчивается тетрадь, в которой написан этот текст. Продолжения не найдено».

Документы тома располагаются в хронологическом порядке, и номера с 2224 по 2227, непосредственно предшествующие комментарию на странице 799, представляют собой «Статистические данные о производстве зерна в белорусских губерниях Российской империи за 1913 год», затем следуют расписки в получении денег руководителями и сотрудниками аппарата БНР на издательские, почтовые и канцелярские нужды. Непосредственно за текстом следует «Записка Александра Вальковича (Рига) Вацлаву Ластовскому от 28.06.1920» о том, что через украинское консульство в Вильне получена справка о расстрелянных поляками белорусских гражданах (все по-белорусски, перевод мой. — Е.Г.).

Сотрудник Национального архива, рассматривающий, как и многие белорусские интеллектуалы, издание тома шагом на пути возвращения этой страницы истории в национальную память, отозвался о записках П.Б. с недоумением и сомнением в необходимости их публикации. В контексте нашего разговора это означало, что исторической ценности эти сведения не

---

⁷ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. Вільня; Нью-Ёрк; Мінск; Прага, 1998.

имеют (не добавляя новых данных о политических событиях или людях в тех ситуациях, которые «важны для истории»), посвящены личным отношениям мужчины и женщины и выставляют «это» на всеобщее обозрение, что, в общем, даже и неприлично. Я подумала, что в записках есть интимные подробности, возможно, откровенные. Другой архивист признался, что «никогда ничего подобного не читал», но объяснить, что же именно его поразило, не мог, добавив только, что написаны записки — с точки зрения словаря, стиля и пунктуации — ужасно.

«Не воспоминания (успаміны) мне хочется писать, а тяжкую безумную тоску мою описывать. Тоску по той великой, несбывшейся любви моей, что уже третий год печет, как огнем, сердце мое»⁸ — открывается текст прямой мелодической цитатой из зачинального былинного плача. Следующие три страницы — в которых напрочь отсутствуют интимные или иные подробности — написаны безумно одиноким и раненым человеком; они о том, как болит душа, страдание невыносимо и только долг перед своим несчастным народом дает жизни какой-то смысл. Эта фраза, при помощи которой я рационально изложила суть «Воспоминаний...», находится в остром противоречии с тем, как они написаны, и в этом смысле «сути» их не передает: моей речи не хватает для того, чтобы передать ту, другую речь, где крик боли может остановиться, только трансформировавшись в партийный лозунг:

Надо жить, говорит разум. Надо жить, ибо ты нужна еще своему бедному страдающему народу. Разве не видишь слез его! Разве не слышишь его стонов? Живи для других, люби идею больше, чем себя. Брось тоску. Пусть она сгинет под напором светлого труда ради всех страдающих.

«Воспоминания...» содержат только одно (приведенное ранее) «мемуарное» фактологическое описание первой встречи на Съезде Западного фронта; остальное представляет собой текстуальный «окровавленный сердца лоскут»:

Этого топора жду я. Но не только жду так безропотно, так покорно, как эти когда-то зеленые веселые деревья, а сама ищу эту добрую заботливую руку человека,

8 Бадунова П. *Успаміны аб маім каханні. Кэмерн, 26–27.06.1920* // *Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі*. Т. 1. Кн. 1. С. 799.

который бы снес, спалил мою жизнь, уже начинающую быть тем, чем сделались эти деревья, — внутренним трупом.⁹

«Воспоминания...», как всякий документ частной жизни, являются свидетельством как некоторых событий, так и их культурного и смыслового контекста; в данном случае текст запечатлел попытку сказать «невыразимое», сказать то, что нельзя сказать, т.е. прорваться через «невозможность» говорить. Природа этой невозможности сложна. Она связана с (белорусским) языком, на котором пишет автор, с попыткой создания «языка любви», а также с феноменом «женского письма» («женской речи»).

Язык, на котором П.Б. написала свои «успаміны», действительно ужасен — если мерить его учебником белорусской грамматики и стилистики, т.е. современным и логоцентрическим принципом «правильного» как соответствующего установленной норме: «Боже! Какое счастье поговорить с ним про все, все. Как измучилась, истосковалась душа моя без него! А все ж таки видеть его вместе и радостно и страшно»¹⁰.

Несоответствие норме очевидно, но неоднозначно. Прежде всего, самой белорусской языковой нормы в современном понимании на тот момент не существует: «никто не знает», как следует писать и говорить, потому что отсутствуют институты (государство, система образования, академия в широком смысле), которые устанавливают норму и цензурят отклонения от нее. Имперскими элитами белорусский воспринимался как диалект низкой, ограниченной, крестьянской культуры — в соответствии со статусом его носителей. Зачин времен Великого княжества Литовского, когда на старобелорусском были написаны Статуты (своды светских законов), а также версия «Тристана и Изольды», не реализовался: ВКЛ не трансформировалось в государство Нового времени с белорусским языком в качестве «странообразующего», и сейчас это язык крестьян и наивных мыслителей. Хотя иногда к нему и обращаются создатели польского культурного канона, например Адам Мицкевич,

9 Бадунова П. *Успаміны аб маім каханні. Кэмерн, 26–27.06.1920* // Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. С. 800.

10 Бадунова П. *Успаміны аб маім каханні. С. 801.*

высокое искусство, создаваемое на этих землях, признается принадлежностью других народов. Формирующаяся национальная элита — учителя, этнографы, языковеды («крестьянские демократы» в терминологии белорусского исследователя Адама Мальдиса) — являются создателями нормы; некоторые из них непосредственно занимаются ее выработкой, подготовкой учебников и организацией школ (за что впоследствии будут расстреляны). Стремясь разбудить народ при помощи литературы и искусства на родном языке, они апеллируют к крестьянству и оперируют «домодерными» категориями.

На этом языке крестьянских мыслителей П.Б. пытаются описать те «недуги души»¹¹, для артикуляции которых в европейской культуре возник в XVIII веке «роман чувств». Однако гетевские «Страдания юного Вертера», первый роман о любви, повествующий о чувствах в психологических и эстетических категориях Нового времени, не только не мог быть написан в то время по-белорусски, но еще не был на белорусский переведен. Словарного и понятийного аппарата для выражения недугов развитой, сложной, современной души не хватает в той недавно обретенной П.Б. культуре, которой она поклялась быть верна, так как нет образованного слоя, пользующегося этим языком. Но как учительница словесности она читала по-русски романы и стихи; используя имеющиеся в этом арсенале «ресурсы» (метафоры, образы, аллюзии), она пытается произнести их на крестьянском наречии, потому что история несчастной любви — единственный «готовый», признанный в культуре вариант организации ее опыта:

Утром я все убрала в моем светлом, чистеньком веселеньком покое. Мне все казалось — от-от отворятся двери и войдет он долгожданный друг мой. Уже три часа. Никого нет. Тоска вновь берет сердце мое. И снова я начинаю метаться в какой-то агонии. Дивно, какое крепкое сердце дал мне Бог! Третий год ни одного дня ни одной ночи не прошло без горьких дум, без тяжких стонов. Откуда силы? Откуда эта безмерная страшная жажда жизни (пунктуация оригинала сохранена.— Е.Г.).¹²

11 Kristeva J. *New Maladies of the Soul*. NY: Columbia University Press, 1995.

12 Бадунова П. *Успаміны аб маім каханні*. С. 801.

«Уши» русского литературного языка вылезают из текста «Воспоминаний...» (который в переводе получает отсутствующую нормативность и становится правильным) здесь и там: когда нет соответствующего белорусского слова, либо его нет для П.Б. — ведь по-белорусски она начала говорить недавно, — она искажает русское (это теряется при переводе). Если она и родилась внутри белорусского языка своего края (скорее всего, ее семья — мещане—по-белорусски не говорила, но говорило местное население), он был «выдавлен» из нее системой воспитания, образования и доступа к интеллектуальным ресурсам, поэтому тот язык, на котором она пытается говорить в «Воспоминаниях...», кажется не до конца ею освоенным. Дневник П.Б. написан интеллигенткой, которая в народовольческом порыве хождения «в народ» стремится сознательно опроститься, постоянно сбиваясь на культурную речь. В одних случаях она употребляет белорусское слово *туга* (однокоренное с русским «тужить»), в других — забывшись — русское *тоска*. В этом смысле текст не соответствует даже той норме языка, которая существовала на тот момент: белорусский для П.Б. «неродной», но и в минуты сильного душевного волнения она верна ему, как данной революции клятве.

Помимо языковой маргинальности, выражающейся в словаре, построении фраз (только «звучащих» как народные), общей стилистике и соскакивания на неправильные для белорусского языка (русские) падежные окончания, очевидно и еще нечто, выраженное «ужасной» пунктуацией (отсутствием знаков препинания), нарушенным синтаксисом, переключением повествования. Все вместе это напоминает то, что называют «истерическим» текстом: еще со времен З. Фрейда особый язык — либо вовсе его отсутствие, молчание, невозможность говорить — считаются признаками особого травматического состояния. Фрейд, описав «случай Доры» — пациентки, которая потеряла возможность артикулировать слова, — одним из первых сформулировал эту связь. По мнению психоаналитика, травма проявляет себя, в том числе, и в нарушении способности речевого выражения, в нарушении самой возможности рассказать; соответственно, ключ к излечению может лежать в терапии речью.

«Истерический текст», обнажив травмированность

или разбитость автора речи, указывает еще и на то, что этот «лишенный целостности» субъект исчерпал возможности выразить свой опыт при помощи языка или, скорее, при помощи существующего языка. П.Б. не находит средств, чтобы означить прежде всего «язык чувства». Роллан Барт во «Фрагментах речи влюбленного» рассматривает «влюбленную» речь как истеричный дискурс, останавливающийся перед невозможностью «высказывания» любви¹³. С другой стороны, дискурсивная немота П.Б. проистекает из невозможности означить себя. Как у женщины у нее в определенном смысле нет речи вообще: «все женщины ‘страдают от истерии’ в попытке обрести свой собственный язык».¹⁴ Записки П.Б. — это попытка преодолеть свое двойное (тройное?) безъязычие, сказать «невыразимое». Ее исковерканная речь есть свидетельство того, что она, следуя формуле Гайтри Спивак, «не может говорить». Без разъяснения этой формулы мы вряд ли можем расшифровать историю П.Б.

Статья «Могут ли угнетенные говорить?» (1988)¹⁵, ставшая классикой постколониальной теории, посвящена проблеме конституирования «колониального субъекта» («угнетенного») как Другого и уничтожению следа того Другого (т.е. некой «первичной» субъектности) в его / ее сознании. Иначе говоря, проблеме изъятия из сознания колониальных организмов («других») неколонизованного / колонизирующего «знания о себе». Г. Спивак использует понятие угнетенный (по-английски обозначенное как *subaltern*, т.е. низший по рангу, подчиненный в армии) в том смысле, которое ему придавал итальянский марксист Антонио Грамши: подразумевая всех тех, над кем осуществляется гегемония правящих классов. Группы угнетенных разнообразны, и, по мнению Грамши, их история не менее сложна и многообразна, чем история доминирующих классов. Однако только последняя принимается в качестве «официальной» версии событий и, таким образом, является

13 Идея «влюбленной речи» (Бодуновой) и ее бартовская трактовка как истерии принадлежит Александру Першаю.

14 Ularly G. From Revolution to Liberation. Transforming Hysterical Discourse into Analytic Discourse // *Language and Liberation. Feminism, Philosophy and Language*. Ch. Hendrics, K. Oliver (eds.). NY: State University of NY Press, 1999. P. 129.

15 Сокращенный русский перевод: Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // *Введение в гендерные исследования*. Ч. II: Хрестоматия / С.В. Жеребкин, ред. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.

известной. У угнетенных в этом смысле «нет истории». Следуя лингвистическому повороту, Спивак привлекла внимание к тому, что у угнетенных нет и языка, на котором их собственная история могла бы быть рассказана.

Разработанное Грамши понятие «угнетенного» (т.е. «другого») было использовано группой британских «постколониальных» исследователей индийского субконтинента, стремившихся ввести в нее системное обсуждение тематики «подчиненности». Г. Спивак, критикуя их подход, заявила, что вопрос, который в данном случае должен быть поставлен, состоит в том, «могут ли угнетенные говорить» своим голосом? Обладают ли они «голосом» для выражения своего коллективного самосознания, если их «сущность» заключается в постоянном воспроизводстве своего отличия от господствующих элит и, таким образом, в базовой, конституирующей зависимости своего отличия-как-отклонения от нормы, заданной колонизатором? Насколько, в таком случае, можно говорить о независимой субъектности угнетенных, если проблема их автономии касается дискурсивных форм, доступных для ее — автономии — репрезентации?

Спивак проблематизирует категорию «угнетенных», обращаясь к конструкции гендерного субъекта. Для нее это необъятная проблема «сознания женщины как угнетенного», для которой «возможность самой коллективности исключается посредством манипуляции с инстанцией женщины»¹⁶, вследствие чего «угнетенный как женщина не может быть услышан или прочитан»¹⁷. В качестве примера-метафоры Г. Спивак приводит историю индийской девушки Бхуванесвари Бхадури, повесившейся в 1926 году в доме своего отца. Смерть (учитывая, что в момент смерти у погибшей были месячные) не могла быть связана с беременностью, следствием тайной связи, — а потому казалась необъяснимой: какой иной мотив возможен для самоубийства молодой женщины? Через десять лет после гибели раскрылось, что умершая была членом вооруженной группы, участвовавшей в борьбе за независимость Индии: в конечном итоге женщине «доверили» политические мотивы самоубийства. Это было бы невозможно,

16 Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? С. 662.

17 Там же. С. 667.

не сделай Бхуванесвари «физиологической инскрипции на своем теле», дождавшись начала месячных и, таким образом, предприняв невероятное усилие по смещению своей телесной заточенности в рамки общепринятых интерпретаций женского поведения.

Проблематичность саморепрезентации «угнетенных», вскрытая Сливак, дает возможность сосредоточиться на проблеме собственно языка (помня о текстовой форме воспоминаний П.Б.). Говоря «чисто технически», «угнетенные», находящиеся в фокусе постколониальной теории, действительно говорят на «других» языках, непонятных «белому» человеку. В каком-то смысле другие — это все те, кто говорит «не по-нашему». Чтобы быть понятыми, они должны «сменить код» — заговорить на языке, известном слушающему: на языке метрополии, колониальной администрации, имперской культуры, языке, который, якобы позволяя им «донести себя», в то же время являлся одним из инструментов их подавления. В отношении угнетенных или «молчащих» совершается «эпистемологическое насилие»: оно состоит в отстранении их от производства смысла, создания языка и порождения значений. Угнетенные «не могут говорить» в том смысле, что за них (кем бы они ни были) или от их имени всегда говорит кто-то другой. Их собственная попытка рассказать — т.е. создать — свою коллективную культурную идентичность в лучшем случае остается нерасслышанной или неузнанной, а в худшем — приводит к восстановлению (или укреплению посредством повторного проговаривания) того «великого нарратива», в рамках которого они обречены быть угнетенными. Власть над ними, таким образом, простирается за пределы собственно структуры эксплуатации и охватывает пространство социального во всех его проявлениях.

Женщина как угнетенный была, по словам Симоны де Бовуар, исторически если не рабом мужчины, то его вассалом, — здесь Бовуар апеллирует к понятию гегелевского «раба». Вечно «другая» (созданная через отличие от «нормы»), она «не может говорить». Коллективное «молчание» женщин вытекает из связи между полом, позицией в социальной иерархии и (не)возможностью (значимого) высказывания, так как язык как символический продукт несет в себе те значения, которые можно назвать патриархатными (связанными с

мужским доминированием). Они исходят из мужского опыта, который единственно и может быть высказан. Мужское доминирование воспроизводится в каждом речевом акте, в то время как «субъективный женский опыт противоречит логической и грамматической структуре нормального символического означивания».¹⁸ Ведь язык, исторически сложившийся как отражение социальных отношений, есть инструмент подавления и оформления, т.е. отсечения всего ненужного и не вписывающегося в сложившиеся нормы и стандарты (языкового) поведения; есть то самое «глобальное означающее», которое определяет смыслы означаемого. Пытаясь сказать свою «правду», женщины, таким образом, вступают в конфронтацию со всей глобальной языковой структурой, осознавая на практике «свою отверженность от языка и от социальных уз»¹⁹, которые возможны лишь при помощи дискурса.

Если «угнетенная» все же заговорит, то каким языком будет она пользоваться? На каком языке можно рассказать о невозможности говорить? Вошедшие в употребление в последнее время термины «женский язык», «обретение голоса» и т.п. связаны с попытками публичного выражения самостоятельной перспективы в отношении себя и своего социального мира, с попытками представления своего собственного опыта вне форм и формулировок, предложенных теми, кто «властвует» над дискурсом²⁰. Нахождение «своего голоса» (т.е. самопознание и артикуляция) — это трудный и даже болезненный процесс преодоления навязанной (и присвоенной) идентичности. Однако текст «на своем языке», способный, по ощущениям говорящей, наиболее точно передать то, что она стремится сказать, квалифицируется как «неправильный», как отклонение от (мужской) нормы, как неспособность «вписать себя» в уже сложившиеся каноны и традиции дискурсивности. Именно так текст «Воспоминаний...» П.Б. воспринимается историками.

У П.Б. нет языка, на котором она могла бы передать свою историю, отчаяние своего одиночества, и посредством

18 Ulary G. *From Revolution to Liberation*. P. 129.

19 Kristeva J. *New Maladies of the Soul*. P. 213.

20 Gal S. *Between speech and silence: The problematics of research on language and gender // Pragmatics*. Vol. 3. № 1. P. 2.

письма она пытается создать этот язык — неправильный, изломанный, полный маргинальных элементов. Она ищет словарь и синтаксис для выражения опыта, одновременно порожденного патриархатом и невозможного для выражения на его языке. Но если предположить, что П.Б. «не может говорить», о чем свидетельствует строй ее «неправильного» («истерического») текста, то что же именно пытается она сказать? В чем смысл ее невыразимого? Можем ли мы каким-то образом это узнать? Для этого, как и в случае Бхуванесвари, необходимо выйти за рамки собственно языка, который сам по себе не предоставляет необходимых нам значений.

Про любовь: «недуги души»

В одном из своих эссе феминистский теоретик Тереза де Лауретис дает интерпретацию «молчания» и душевной болезни русской жены Антонио Грамши, которая может оказаться полезной при поиске ответа на поставленные вопросы²¹. Рассказанная Лауретис история развертывалась в то же самое время, и в центре ее также находились любовь и революция. Суть ее в следующем. Антонио Грамши, находясь в Советской России в 1922 году в качестве представителя Коммунистического интернационала, познакомился с двумя сестрами Шухт, дочерьми бывшего соратника Ленина, выходяца из буржуазной среды, жившего вместе с семьей в эмиграции в Италии десять предреволюционных лет. С младшей, Гулей, эмоциональной и женственной, у него начались любовные отношения, и в 1924 году у них родился сын, однако сам Грамши к этому времени вынужден был вернуться в Рим. С Гулей он виделся еще один раз, когда она, ребенок и ее сестра Евгения получили возможность провести с ним несколько месяцев. После того как сестры вернулись на родину (Гуля была беременна их вторым ребенком), Грамши был арестован и провел в тюрьме одиннадцать лет, вплоть до своей смерти. Все эти годы главной связью между ним и его русской семьей была третья сестра, Татьяна, жившая в Италии. Она поддерживала Грамши материально и психологически, следовала за ним из тюрьмы в тюрьму, связывалась с лидерами левого движения в попытке освободить его, передавала лекарства, необходимые

---

21 De Lauretis T. Gramsci Notwithstanding. C. 352.

вещи и письма от жены и детей (которые, в качестве единственного разрешенного тюремным начальством корреспондента заключенного Грамши, переписывала своей рукой), а после его смерти спасла ставшие знаменитыми «Тюремные тетради». По сути дела, Татьяна стала тем, чем обычно является оставшаяся на воле жена заключенного, и ей же досталась та малая «власть и слава», которую может обрести женщина, отдавшая себя служению. Письма Грамши Татьяне Шухт, в которых он подробно, по пунктам обсуждает с ней свою работу, напечатаны в русском издании под одной обложкой с его философскими текстами²².

Гуля и ее сестры, пишет де Лауретис, были воспитаны отцом в духе романтизма и гуманистических ценностей, ядро которых составляли долг по отношению к бедным и обездоленным, общение с природой, любовь к детям как воплощению добра и чистоты, привязанность к семье, которая считалась убежищем от бурь внешнего мира. Грамши стал для сестер центром эмоциональной вселенной, реализацией романтической революционной мечты и той патриархатной модели, которую они усвоили. В некотором смысле все трое «были за ним замужем»; в то же время они были «обручены с партией». Гуля осталась в Москве, воспитывала детей, пыталась участвовать в партийной работе. Ради партии она отказалась от любимой ею игры на скрипке — и писала письма мужу (которые Татьяна переписывала своей рукой и своим почерком). Евгения убеждала ее, что она должна оставаться в Советском Союзе, что партия в ней нуждается, что за границей ей с детьми было бы опасно и что она вообще слишком слаба и нуждается в защите. По сути дела, Евгения играла в этой «семье» мужскую роль, оберегая и ограничивая Гулю и исключив из ее жизни возможность человеческой близости с Грамши (и с кем бы то ни было).

Письма Гули к Антонио становились все более редкими и отчужденными; постепенно вместо нее начала писать Евгения, взявшая на себя воспитание детей, а также руководство всей жизнью Гули. Грамши из живого человека, которого она любила, превратился в далекого революционного героя и вождя: в письмах он рассуждал о том, можно ли любить трудовой народ, не пережив настоящей любви, писал о воспитании детей и о

22 См.: Грамши А. *Искусство и политика*: В 2 т. М., 1991.

том, что значит быть революционером. Антонио советовал ей закалять волю и заниматься физическими упражнениями, чтобы победить начинающуюся душевную болезнь, слабость, недопустимую для революционера.

Гуля же, по мере того как Евгения и Татьяна забирали у нее все значимые области жизни и человеческих отношений, тем самым еще более усиливая ее беспомощность и потерю себя, все более уходила в свое молчание. Для нее исчезла возможность какого-либо действия в рамках традиционных и социально приемлемых женских практик, которые она в свое время усвоила. Не в состоянии определить себя концептуально, Гуля вытесняется из участия в значимых интеллектуальных и эмоциональных обменах и вынуждена проживать свой бунт пассивно, внутри себя. Как пишет де Лауретис: «Это именно то, что обычно диагностируется у женщин как сумасшествие».²³ Через некоторое время Гулю помещают в психиатрическую лечебницу, где она и проводит оставшуюся жизнь в своем странном молчании. По сути дела, заключает Лауретис, те роли, что приняли на себя сестры Шухт, почти полностью исчерпывают выбор, который оставляют женщине западные культуры: верность, жертвенность, самоотречение и безумие...

Современники, а затем историки трактовали состояние и поведение П.Б. как «психическое заболевание» и даже «сумасшествие». Заболевание Гули позволяет увидеть в «сумасшествии» П.Б. нечто иное: «заболевание» П.Б. обозначило то «невыразимое», что сначала отразилось в упомянутом дневнике и достигло своей кульминации позже, когда П.Б. «объективно» заболевает, чтобы уже никогда не поправиться. Очевидно, в Праге она переживает травму:

Травма — физическая либо психическая — наносит такой ущерб нашей защитной оболочке, что справиться с ее последствиями при помощи обычных методов, к которым мы прибегаем при переживании боли или потери, оказывается невозможно. Ущерб настолько велик, что даже когда трагическое событие не является неожиданным, опыт его переживания невозможно предсказать.²⁴

23 De Lauretis T. Gramsci Notwithstanding. С. 89.

24 См. статью Джулиет Митчелл в сборнике *Травма: пункты*.

Причиной травмы, которая окончательно прорывает уже ветхое защитное покрытие души, стал отказ в признании тех двух позиций, которые для П.Б. наиболее существенны: позиции женщины, состоящей в сложных психологических (т.е. «современных», легитимных вследствие модернизационной, антифеодальной революции) отношениях со значимым мужчиной, и позиции национального политика.²⁵ Она предана: отвергнуты ее значимые Я. По сути дела, ей отказано в праве на социальное действие; травма П.Б. — это травма непризнания окружающими ее автономии, которая существует только во взаимодействии, в признании ее другими. В то же время это травма революции и любви «новейшего времени», когда личное и политическое невозможно разделить, и психическое заболевание возникает «на перекрестке Великой истории и малой истории» живущего в ней человека.²⁶ Воображаемой реальностью революции был разрыв обыденного порядка, когда все казалось возможным, и травма — а за ней и «безумие» — наступила тогда, когда стала ясной необходимость возвращения в привычный порядок и подчинение его установлениям.

В результате травмы П.Б. «лишается речи», которую могли бы понять живущие в мире здравого смысла, т.е. речи последовательной, подчиненной логоцентрическому (маскулинному) принципу. Как и Гуля, П.Б. уходит в «молчание», в «не-речь», преодолеть которую доступными ей способами не сможет. Когда в очередях она ругает советскую власть, т.е. делает то, что «нормальный человек» делать не станет, ее язык, очевидно, становится выражением чувства, а не значения. Эта речь не делает говорящую (в том смысле, как человек «создается» языком, второй сигнальной системой) автономным, независимым субъектом «права и речи», а, наоборот, исключает ее из сообщества таковых. Безумие, в сущности, состоит в неспособности порождать значения,

---

25 Возможно, ранее она пыталась продумать себя как женщину: созданный ею в 1918 году детский приют она назвала в честь недавно погибшей Элоизы Пашкевич, «Тетки» по псевдониму, поэтессы и деятельницы национального возрождения. Находясь в заключении в Польше, пыталась также писать пьесу о Тетке — возможно, в поисках модели новой, независимой и национальной женской субъектности.

26 См. статью Франсуазы Давуан и Жан-Макса Годийера в сборнике *Травма: пункты*.

т.е. символы, значимые для сообщества²⁷. Протест против власти логического принципа лишь делает более видимым это исключение:

Кажется, существует непреодолимый прорыв между рациональной, репрезентативной, логической структурой языка (символической или мужской структурой) и экспрессивным, ситуационным... опытом человеческой субъектности (реальным или женским опытом)... результатом остается выбор или / или: либо субъект — особенно женский субъект — остается в подчинении у символического, либо субъект становится психотичным и истерическим...²⁸

Травма невыразима обычным языком и с неизбежностью его ломает: непонятную речь П.Б. окружающие трактуют как признак сумасшествия в его тривиальном смысле, отрицая тем самым ее страдание: невысказанного, его как бы не было. Его и действительно не было — внутри принятой структуры языка. Не имея слов, чтобы обозначить происшедшее с ней, она не могла и интегрировать травму в свое сознание, осмыслить и понять травмирующее событие. Переживая это событие снова и снова, П.Б., как всякий травмированный человек, не находила слов для его постепенного изживания. Дело, собственно, даже не в «советской власти», или не только в ней: травма изменила для П.Б. траекторию бега времени, замкнув ее сокрушительный опыт в круге бесконечного повторения. Безумие «помещает субъекта за пределы пространства, в котором возможно осуществление власти, и означает его / ее окончательное удаление из поля осуществления действия».²⁹ Язык безумия, которым отныне «говорит» П.Б., — это язык без речи, это способ передачи значения вне языка. Но, не имея речи, нельзя сохранить свой опыт для социальной памяти, создаваемой в соответствии с потребностями великих нарративов об истории, истине, справедливости. Существование вне дискурса неизбежно ведет к забвению, сводит в небытие. Круг замыкается. «Телесный» опыт П.Б. не преодолевает — несмотря ни на какие революции — лингвистически определенных социальных отношений;

27 Caminero-Santagelo M. *The Madwoman Can't Speak. Or Why Insanity Is Not Subversive*. Ithaca: Cornell University Press, 1998. P. 11.

28 Urary G. *From Revolution to Liberation*. P. 130.

29 Caminero-Santagelo M. *The Madwoman Can't Speak*. P. 1–17.

не деконструирует кардинально отношений власти. Пол и сексуальность остаются формами конституирования речи³⁰, и «любовь» — т.е. сексуальное, телесное — находится в самом центре этого «текстуального» клубка.

Заключение:

Об угнетенных, которые все еще не могут говорить

История П.Б. обретает особое значение при осмыслении нашего времени и встающих сейчас трудностей написания национальной истории. Как это ни парадоксально для независимого государства, в Беларуси по-прежнему происходит борьба между двумя ее версиями.³¹ «Официальная» историография, хотя и ориентирована на белорусские, а не московские, как это было раньше, события, дает им почти советскую интерпретацию, относя «несогласных» к «националистам» либо вовсе не упоминая их. Противостоящая ей версия стремится представить историю последних полутора веков как бескомпромиссную борьбу народа, возглавляемого сознательной национальной интеллигенцией, за «свободу», т.е. за язык, культуру и создание национального государства.

В обоих случаях роль интеллектуалов в культурном и политическом движении состоит в том, чтобы конституировать производство истории в виде повествования о свободе.³² В таких нарративах «гендерному субъекту» отводятся некоторые «оговоренные» роли. П.Б. же, очевидно, не поддается той мифологизации, которой обычно сопровождается введение в историографический обиход «верных дочерей народа» (слишком часто удобно оказывающихся женами или дочерьми деятелей национального возрождения), — ни в образе пламенной революционерки, ни в образе матери или невесты нации, ни даже в образе «жертвы кровавого режима». Об этом свидетельствует ее невключение (или неполное включение) в «новую» историю Беларуси, где уже нашли свое мифологизированное место и силой увезенная в Киев полоцкая княжна Рогнеда (X век), и просвещенная монахиня Ефросинья Полоц-

30 Marder E. Disarticulated Voices. Feminism and Philomela // *Language and Liberation* / Hendrics, Oliver (eds.). P. 166.

31 Подробно об этом см.: Lindner R. Besieged Past: National and Court Historians in Lukashenka's Belarus // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. № 4. P. 631–648

32 Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? С. 661.

кая (XII век), и меценатки из рода князей Радзивиллов (XVIII век), и поэтесса Тетка (начало XX века).

Написание истории, т.е. представление ее как того, что было, связано с поиском смысла в пережитых страданиях и является непосредственно политическим актом. «Владение прошлым» (в «терминологии» Оруэлла) означает контроль над нарративом, т.е. над тем, кто имеет право на голос в истории; чья правда признается правдой; чье страдание останется в памяти; чьи слова отражаются в хрониках; в конечном итоге над тем, кто является субъектом исторического процесса. Само же существование «двух версий», непрерывный поиск интерпретации, постоянно происходящее исключение одних фактов и версий и включение других является свидетельством того, что «нация» еще не оформила свое прошлое в канонические формы «великого исторического нарратива». Прошлое, по словам Хабермаса, в отношении которого нация согласилась и, следовательно, состоялась. Версии нации, которые конструируют и новые «патриотические» историки, и официальный дискурс, — это мужская фаланга, в которую женщины допускаются на определенных ролях для выполнения ряда ограниченных функций, служащих укреплению и легитимации воображаемого братства. «Это очень материальное письмо, очень мужское, а потому очень белорусское», — написал известный современный белорусский поэт Адам Глобус в рецензии на книгу другого поэта (Алеся Рязанова). Белорусское потому, что мужское. Полута Бодунова была женщиной.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

■ Светлана Айвазова – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН. Член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Автор книг: «Русские женщины в лабиринте равноправия» (М., 1998); «Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России» (М., 2000), «Гендерное равенство в контексте прав человека» (М., 2001), «Основы методики распознавания и оценки дискриминации женщин на рынке труда» (М., 2007), а также многих статей по истории и теории женского движения.

■ Елена Гапова – основательница Центра гендерных исследований Европейского Гуманитарного университета. Доцент кафедры социологии Западно-Мичиганского университета. Основные исследовательские интересы: гендер, нация и класс в посткоммунизме; гендерная политика межвоенного двадцатилетия в СССР, постсоветские интеллектуалы и трансформация академии. Редактор книг «Over the Wall / After the Fall: Post Communist Cultures through an East West Gaze» (Indiana University Press, 2004), «Женщины на краю Европы» (Мн., 2003), «Женские истории восточной Европы» (Мн., 2002) и «Антология гендерной теории» (Мн., 2000). Автор идеи и редактор серии настенных календарей «Женщины Беларуси: История в повседневности» (2000-2006) и др. Ее статьи опубликованы в журналах «Неприкосновенный запас», «Ab Imperio», «ARCHE», «Nationalities Papers»; «Гендерные исследования»; «Studies in East European Thought», и др.

■ Анна Жинь – независимый исследователь, дизайнер и художник. Анна работает в области фотографии, живописи, малой скульптуры и инсталляции. Выставлялась в «Галерее Ё», «Лондон» и дворце искусств г. Минска. Её исследовательские интересы включают культурную и гендерную проблематику и различные аспекты социальной дискриминации. Анна рассматривает эти проблемы как в своих текстах, так и в своих художественных проектах.

- Евгения Иванова – правовед, магистр культурологии (гендерные исследования), магистр социологии права. В настоящее время докторантка Оксфордского университета (факультет Политики и Международных отношений), преподаватель Европейского Гуманитарного университета, координатор Центра гендерных исследований ЕГУ, сопредседатель Международного центра гендерных инициатив «Адліга: женщины за полное гражданство». Научные интересы: феминистские политические теории, права человека, пол и гражданство, тело и политика, биополитика, Чернобыль.

- Ольга Карач – белорусский политический активист и журналист. Председатель Витебской областной организации Объединенной Гражданской Партии, член Политсовета Объединенной Гражданской Партии. Соучредитель Международного Центра гендерных инициатив «Адліга: Женщины за полное гражданство». Руководитель Международного Центра гражданских инициатив «Наш Дом». В настоящее время является магистранткой программы «Публичная Политика» Европейского Гуманитарного университета. В 2008 г. Ольга названа Белорусской группой Международной Амнистии «Правозащитником года», а в 2010 г. она получила международную награду «За гражданское мужество» в Германии.

- Наталья Кулинка – кандидат филологических наук, журналист. Ассоциированный исследователь Центра гендерных исследований Европейского Гуманитарного университета. Редактор он-лайн журнала «Post-Soviet Post» Центра Русских, Восточно-Европейских и Евразийских Исследований Стэнфордского университета. Научные интересы: история и теория журналистики; политическая коммуникация в пост-советской Беларуси; гендер и масс-медиа. Автор, соавтор и составитель ряда сборников по гендерному образованию для журналистов, юристов и государственных служащих, включая «Пол/гендер: пособие для журналистов» (Мн., 2002).

■ Марина Напрушка – художник и политический активист из Беларуси. Она работает с разными медиа, включая живопись, видео и инсталляцию. Основной проект Напрушкиной «Бюро контрпропаганды» посвящен анализу механизмов политической пропаганды в современной Беларуси. Ее персональные выставки прошли в Литве, Польше, России, Испании, Италии, Румынии, Турции, Швеции, Австрии, Германии и других странах. Вебсайт: <http://office-antipropaganda.com/>

■ Светлана Наумова – политолог, кандидат философских наук, работала в сфере гражданского образования, была участницей гражданской кампании «Говори правду». Автор многих публикаций, включая учебник «Что надо знать о политике» (РОСТ Мирос, 1997), редактор пособия «Пол/гендер: пособие для журналистов» (Мн., 2002). Ее работы опубликованы на аналитических порталах «Наше мнение», «Belintellectuals» и др. *Скончалась 10 марта 2011 г.*

■ Александр Першай – кандидат филологических наук, докторант факультета культурологии университета Трент. Ассоциированный исследователь Центра гендерных исследований Европейского Гуманитарного университета. Научные интересы: национализм в Беларуси и восточной Европе; словари, архивы и организация культурного знания; гендерная лингвистика, гендер, язык и власть. Автор ряда публикаций в журналах «Nationalities Papers», «East European Politics and Societies», «Europe-Asia Studies», «Slavia Orientalis», «Wiener Slawistischer Almanach», «Гендерные исследования», «Ab Imperio» и др. Редактор сборника “Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications” (Peter Lang, 2005).

■ Элен Уиллис (1941-2006) – американская эссеистка и феминистка «новой» волны 1960х. Учредительница двух самых первых женских активистских групп: «New York Radical Women» (Радикалки Нью Йорка) и «Redstockings» (Красные чулки). В последние годы работала профессором на факультете журналистики Нью-Йоркского университета. Публиковалась во множестве изданий, включая «The New Yorker», «Village Voice», «The Nation», «Rolling Stone», «Salon», «Dissent» и др.

■ Сергей Ушакин – кандидат политических наук, PhD (Колумбийский университет, отделение антропологии). Доцент кафедры славянских языков и литератур в Принстонском университете. Область интересов: роль травматического опыта в формировании сообществ, повседневный социализм, практики идентификации, а также постколониализм в Евразии. Автор книг «The Patriotism of Despair: Communities of Loss in Contemporary Russia» (Cornell University Press, 2009), «Поле пола» (Вильнюс, 2007). Редактор и составитель сборников «Семейные узы: модели для сборки» (М., 2004) и «О муже(N)ственности» (М., 2002). Публиковался в журналах «Новое литературное обозрение», «Ab Imperio», «Вопросы философии», «Public Culture»; «Ethnos»; «Theory, Culture & Society», «Europe-Asia Studies», «American Anthropologist», «Cultural Anthropology» и др.

■ Svetlana Aivazova holds a *Doktor Politicheskikh Nauk* Degree. She is a Senior Researcher at the Institute of Comparative Political Science at the Russian Academy of Sciences. She is a Member of the Council for Civic and Human Rights Development at the President of Russian Federation. She is an author of several books and articles on the history and theory of the women's movement, including "Women in the maze of equality (Zhenschiny v labirinte ravnopravija)" (Moscow, 1998), "Gender equality in the context of human rights" (Moscow, 2001), and "Fundamentals of recognition and assessment of women's discrimination in the labour market" (Moscow, 2007).

■ Elena Gapova is a Founding Director of the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. She is an Associate Professor at the Department of Sociology at Western Michigan University. She is interested in gender, nation and class in post-communist societies; gender politics in the early USSR; post-Soviet intellectuals and transformation of academia. She edited four collections of essays "Over the Wall / After the Fall: Post Communist Cultures through an East West Gaze" (Indiana University Press, 2004), "Women of the edge of Europe (Zhenschiny na kraju Evropy)" (Minsk, 2003), "Women's Histories in Eastern Europe (zhenskie istorii vostochnoi Evropy)" (Minsk, 2002) and "Anthology of gender theory (Antologia gendernoy teorii)" (Minsk, 2000). She is a founder and editor of a series of wall calendars entitled "Women of Belarus: Histories of everyday life" (2000-2006). She has published in "Nationalities Papers", "Studies in East European Thought", "Gendernye issledovania", "ARCHE", "Neprikosnovenniy zapas" and other journals.

■ Evgenia Ivanova, LLB, has an MA in Gender Studies and an MA in Sociology of Law. She is currently a doctoral candidate in Politics and International Relations at the University of Oxford. She is a lecturer at the European Humanities University. She also is a coordinator and research associate at the Centre for Gender Studies of the European Humanities University. She is a Co-Chair of the International Centre for Gender Initiatives "Adliga: Women

for Full Citizenship”. Her research interests include feminist political theories, human rights, gender and citizenship, body and politics, biopolitics, and Chernobyl.

■ Olga Karatch is a Belarusian political activist and journalist. She is the Vitebsk Region Chair of the United Civic Party of Belarus (Ob'edinennaya Grazhdanskaya Partiya) and a Board Member of the named Party. She is a Co-Founder and Co-Chair of the International Centre for Gender Initiatives “Adliga: Women for Full Citizenship”. She is Chair of the International Centre of Civic Initiatives “Nash Dom”. Currently she is a Master of Arts student in Public Politics at the European Humanities University. In 2008, Ol'ga was awarded the title of “The Human Rights Activist of the Year” from the Belarusian Chapter of Amnesty International. She also received the International Award for Civil Courage in Germany in 2010.

118

■ Natalia Koulinka holds the *Kandidat Filologicheskikh Nauk* Degree in gender communication from Belarus State University. She is a journalist and research associate at the Centre for Gender Studies of the European Humanities University. Currently she is an editor of the on-line journal “Post-Soviet Post” at the Center for Russian, East European, and Eurasian Studies at Stanford University. She explores political communication in post-Soviet Belarus and works on the history and theory of the Soviet school of journalism. She is also interested in gender education and is the author, co-author, and editor of handbooks on gender for journalists, lawyers, and public officials, including “Sex/Gender: A handbook for journalists (Pol/Gender: Posobie dlia zhurnalistov)” (Minsk, 2002).

■ Marina Naprushkina is an artist and political activist from Belarus. She works with various media, including painting, video and installation. Her main current project “The Bureau of Antipropaganda” analyzes mechanisms of political propaganda in present-day Belarus. She had personal exhibitions in Lithuania, Poland, Russia, Italy, Romania, Spain, Sweden, Turkey, Austria, Germany, and other countries. Website: <http://office-antipropaganda.com/>

■ Svetlana Naumova was a Belarusian political scientist, civic educator and political activist of the campaign “Speak the truth” (Govori pravdu). She held a *Kandidat Filosofskikh Nauk* Degree and has authored several publications and books, including handbooks “What one needs to know about politics (Chto nado znat’ o politike)” (ROSTMiros, 1997) and “Sex/Gender: A handbook for journalists (Pol/Gender: Posobie dlia zhurnalistov)” (Minsk, 2002). Naumova has published with online analytical portals “Nashe mneniye”, “Belintellectuals” and others. *She passed away on March 10, 2011.*

■ Serguei A. Oushakine, Ph.D. in Anthropology (Columbia University), is an Associate Professor at the Department of Slavic Languages and Literature, Princeton University. His research examines transitional periods in Russia’s twentieth-century history and explores cultural manifestations of identity in Soviet and contemporary Russia, as well as postcolonialism in Eurasia. He has authored two books «The Patriotism of Despair: Communities of Loss in Contemporary Russia» (Cornell University Press, 2009) and «Pole pola» (Vilnius, 2007); has edited two collections of essays «Family Bonds: Models For Assembling (Semeinye uzy: modeli dlia sborki)» (Moscow, 2004) and «On Masculinity (O muzhe(N) stvennosti)» (Moscow, 2002). His articles are published in «Public Culture»; «Ethnos»; «Theory, Culture & Society», «Europe-Asia Studies», «American Anthropologist», «Cultural Anthropology», «Novoe literaturnoe obozrenie», «Ab Imperio» and others.

■ Alexander Pershái holds a *Kandidat Filologicheskikh Nauk* Degree in theory of language. Currently he is a doctoral candidate in cultural studies at Trent University. He is a research associate at the Centre for Gender Studies of the European Humanities University. He investigates nationalism in Belarus and Eastern Europe with emphasis on the issues of identity, language, and nation building. His research interests include technologies of archiving and organizing knowledge, and interrelations of gender, language and power. He is an editor of “Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications” (Frankfurt: Peter Lang, 2005). His works are published in “Nationalities Papers”, “East European Politics and Societies”, “Europe-Asia Studies”, “Slavia Orientalis”, “Wiener Slawistischer Almanach”, “Gendernyie issledovania”, “Ab Imperio” and others.

■ Ellen Willis (1941-2006) was an American left-wing feminist and essayist, founder of feminist activist groups “New York Radical Women” and “Redstockings”. She was a Professor at the Department of Journalism at New York University. She authored many books and essays published in “The New Yorker”, “Village Voice”, “The Nation”, “Rolling Stone”, “Slate”, “Salon”, “Dissent” and others.

■ Anna Zhyn is an independent researcher, designer and artist. She works with different media, including photography, painting, soft sculpture and installation. She had personal exhibitions in “The Ÿ Gallery”, “London”, The Art Palace (Dvoretz iskusstv) in Minsk, Belarus. Her research interests investigate gender discrimination and harassment, as well as other types of social and cultural oppression. Anna explores these problems in her essays and art projects.

Образовательно-аналитический альманах «ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ» принимает материалы к публикации. Присланные тексты рецензируются анонимными экспертами. Стандартный размер статьи от 15 000 до 20 000 знаков (от 1 500 до 3 000 слов), величина шрифта 12, Times New Roman, стандартные поля. Сноски внизу страницы. Допускается использование иллюстраций, однако авторы должны позаботиться о соблюдении авторских прав на используемые изображения. Авторы должны предоставить краткие данные о себе: место/сфера занятости, должность, научные и/или активистские интересы и т.п.

Ждем Ваших рукописей по электронному адресу:
political.new.approaches@gmail.com

Тематика готовящихся номеров будет объявляться на интернет странице журнала www.adliga.info/newpolitics

Формат 148x210. Бумага офсетная мелованная. Печать офсетная.

Гарнитура Minion Pro

Усл. печ. л. 13,2. Тираж 800 экз.

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почёта»

«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова»

Россия, 214000, г. Смоленск, пр-т Гагарина, 2

Без меня народ
не полный.

Андрей Платонов